

МЯТЕЖНЫЙ «СТОРОЖЕВОЙ»

Последний парад капитана 3-го ранга Саблина

XX военные
тайны
века

В.В. ШИГИН

Владимир Виленович Шигин
Мятежный «Сторожевой». Последний
парад капитана 3-го ранга Саблина
Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104512
Мятежный «Сторожевой». Последний парад капитана 3 -го ранга Саблина / Шигин В.В.: Вече;
Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-7943-8

Аннотация

Новая книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина посвящена драматическим событиям ноября 1975 года, когда заместитель командира большого противолодочного корабля «Сторожевой» по политической части капитан 3-го ранга Саблин поднял мятеж, предъявив ультиматум Л.И. Брежневу, чтобы начать в СССР новую, коммунистическую, революцию. Об этом происшествии слышали многие, но никто до сих пор не мог дать полную и объективную картину случившегося.

Автору впервые удалось получить доступ к уникальным документам архива ФСБ РФ, которые еще никогда и нигде не публиковались, встретиться со многими участниками и свидетелями тех событий. Как всегда, В. Шигин выстраивает свою версию происшедших событий, подкрепляя ее многими доселе неизвестными фактами.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	37
Часть вторая	51
Глава первая	51
Глава вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владимир Шигин

Мятежный «Сторожевой». Последний парад капитана 3 – го ранга Саблина

Распад СССР начался в 1975 году, после выступления советских военных моряков...

Роберт Гейс, директор ЦРУ

Вместо предисловия

Историку, как правило, не надо искать тем для своего исследования, темы сами находят его. Так случилось и с темой, которой посвящена эта книга.

Не один год я раздумывал над тем, браться ли мне за книгу о событиях 9 ноября 1975 года. Зачем ворошить не слишком лицеприятное прошлое, ведь история с БПК «Сторожевой» не является характерной для нашего флота, а скорее исключение из правил. Гораздо лучше писать о подвигах наших отцов и дедов. К тому же я прекрасно понимал, как и понимаю теперь, что выход книги неизбежно вызовет негативный всплеск эмоций тех, кто вот уже почти четверть века делает из Саблина героя-романтика. Как же так, мы столько времени и сил затратили, чтобы явить обществу образ невинной жертвы советского тоталитаризма, а тут вдруг появился человек, имеющий совсем иной взгляд на это дело! Я уверен, как только выйдет книга, будут и письма, и оскорбления в прессе, и еще черт знает что. Но кто-то же должен когда-нибудь рассказать правду о тех, весьма уже не близких событиях. Думаю, что, будучи кадровым офицером отечественного военно-морского флота, профессиональным историком и писателем, я имею право на свою личную точку зрения в данном вопросе.

Анализ всех спекулятивных публикаций по теме Саблина показывает, что в них кроме громких слов и общих рассуждений нет ни конкретных фактов, ни профессионального понимания сути событий, происходивших 8–9 ноября 1975 года на БПК «Сторожевой». Это не случайно, так как авторы статей, книг и фильмов о Саблине в большинстве своем случайные люди, не имеющие никакого понятия о флоте.

Так уж случилось, что в моей жизни было немало параллелей с судьбой Саблина. В силу этого я могу более-менее реально оценивать и события 9 ноября 1975 года, и действия людей, которые в тех обстоятельствах оказались. И Саблин, и я – потомственные флотские офицеры. И он, и я начинали флотскую службу не офицерами-политработниками – он курсантом училища им. Фрунзе, я матросом. Оба мы служили на кораблях Балтийского флота – он в Балтийске, я в Лиенае. Нами командовали почти одни и те же начальники. Даже должности у нас были практически равными – он заместитель командира корабля 2-го ранга, а я заместитель командира дивизиона кораблей 3-го и 4-го рангов. Наконец, оба мы являемся выпускниками одной и той же военно-политической академии и нас учили там одни и те же преподаватели. Кроме всего этого, я, так же как и Саблин, был участником военно-морского парада в Риге, являясь, как и он, замполитом флагманского корабля парада. Помимо всего прочего, в службе на Балтике нас отделяло каких-то шесть лет, а потому я лично знал немало офицеров и мичманов непосредственных участников событий, связанных со «Сторожевым».

С чего начать? Наверное, с того, что волею судеб мятеж «Сторожевого» стал одним из самых ярких впечатлений моей юности. Так получилось, что в 1975 году наша семья жила в Лиенае. Два года тому назад папа перевелся туда из Гремехи, списавшись по здоровью

с атомных подводных лодок. В Лиепе он служил заместителем командира электромеханической школы (ЭМШ). Я же, закончив в том году 10 классов, с сентября работал слесарем механосборочных работ на заводе «Лиепаймаш», ожидая весной следующего года призыва на флот. Дом наш располагался в лиепайском предместье Шкедес – недалеко от знаменитого «воздушного моста», соединявшего основную часть Лиепайи с военным городком. Увлекаясь историей флота, да и вообще всем, что касалась ВМФ, я часто бывал тогда в Зимней гавани, рассматривая стоявшие там корабли. Особенно нравилось мне смотреть, когда после разводки моста по каналу проходили подводные лодки. Помню свой восторг, когда перед переходом на Север, подняв мощную волну, прошел по каналу новейший БПК «Маршал Тимошенко».

Так как я еще никогда не был в Москве, то в преддверии призыва мне очень хотелось там побывать. Поэтому папа попросил по телефону своего однокашника по училищу капитана 1-го ранга В. Харько (в будущем контр-адмирала), который служил в ГШ ВМФ, чтобы я остановился у него на ноябрьские праздники и посмотрел Москву. До сих пор помню это ощущение восторга от Кремля, от метро, от масштабов огромного мегаполиса. Обратное я также летел самолетом. В лиепайском аэропорту меня встречал хмурый отец. В отдалении от нас стояла огромная толпа адмиралов и офицеров. На мой вопрос: «Что случилось?» папа ответил: «Дома расскажу». А дома я узнал, что замполит БПК «Сторожевой» пытался угнать корабль в Швецию, но был перехвачен нашими кораблями. Сам замполит уже арестован, а захваченный «Сторожевой» только сегодня днем привели в судоремонтный завод «Тосмаре» на ремонт. Разумеется, на следующий день я с отцовским биноклем был уже на противоположной стороне заводского ковша и разглядывал стоящий у заводской стенки «Сторожевой». Внешне корабль был совершенно безлюден. За час-полтора, которые я провел на берегу канала, я не увидел на его палубе ни одного человека. Помню, что флаг на корме и гюйс на носу были подняты. Особенно запомнились обгоревшие рваные дыры на дымовой трубе и почерневший левый борт. До сих пор жалею, что забыл тогда прихватить из дома свою «Смену-8», возможно, это были бы уникальные кадры.

На следующий день я узнал, что часть команды мятежного корабля находится в т. н. «шестой группе». Так в Лиепе называли несколько казарм и складских помещений у моря на дальнем краю военного городка. В ближайшие выходные я отправился туда в надежде увидеть что-нибудь интересное. Но в конце Красногвардейского проспекта, где заканчивались жилые дома и начинался квартал служебных бараков, меня остановил патруль и вежливо развернул обратно.

А весной я ушел служить матросом на Балтийский флот. Потом была учеба в Киевском высшем военно-морском политическом училище. Там я, конечно, тоже пытался разузнать, что возможно, о мятеже на «Сторожевом», но разговоры на эту тему в училище не поощрялись.

В 1981 году, после окончания училища, я вернулся на Балтику. Тогда каждому из наших выпускников предлагали на выбор несколько должностей (на флоте был недокомплект молодых офицеров). Отказавшись от должностей секретаря комитета комсомола на крейсере «Октябрьская революция» и замполита какого-то радиотехнического подразделения под Таллином, я получил назначение заместителем командира МПК-2 (проекта 1124 «Альбатрос») в родную мне Лиепайю. Впереди были восемь лет службы в 118-й бригаде кораблей охраны водного района, вначале заместителем командира корабля, а потом заместителем командира дивизиона тральщиков.

В то время в Лиепе служило еще много непосредственных участников событий ноября 1975 года, ведь с момента мятежа прошло всего каких-то шесть лет. Бригадой эсминцев (76-я БЭМ), к примеру, тогда командовал капитан 1-го ранга Бобраков, руководивший погоней за «Сторожевым», а дивизионом сторожевых кораблей 50-го проекта (т. н. «полтин-

ников») капитан 2-го ранга Голубович, непосредственно выходивший в атаку на мятежный корабль. Помимо этого в нашей бригаде служили два мичмана, имевших непосредственное отношение к тому событию – бывшие члены экипажа «Сторожевого». Много было и лично знавших Саблина офицеров-политработников. И хотя все участники событий давали подпisku о неразглашении, в личных беседах все равно кое-что рассказывалось.

Прямой цели собирать информацию о мятеже на «Сторожевом» у меня тогда не было. Был лишь интерес к окруженному завесой тайн и недомолвок событию. Много позднее, читая досужие стенания и домыслы бесчисленных журналистов-либералов, приравнивающих мятежников чуть ли не к героям-панфиловцам, возникла мысль написать свое видение событий ноября 1975 года. Оговорюсь сразу, что мою точку зрения разделяло и разделяет подавляющее большинство офицеров и адмиралов Российского ВМФ. Так что, если хотите – это, в определенной мере, обобщенная точка зрения офицеров нашего флота.

Начиная заниматься «Сторожевым», я прекрасно понимал, что, поднимая эту изрядно обмусоленную ура-демократами тему, должен буду опираться только на конкретные свидетельства, документы и факты. Поэтому на работу в закрытых архивах и розыск участников событий, тех, в чьей объективности и порядочности я не сомневался, ушло почти десять лет. Такова предыстория данного повествования.

Чем больше я занимался историей мятежа «Сторожевого», тем больше приходил к мысли, что все произошедшее 8–9 ноября 1975 года на Балтике вовсе не было делом рук фанатика-одиночки. Попытка мятежа на «Сторожевом» с публичным объявлением политических требований, объективно ведущих к фактическому развязыванию новой гражданской войны и последующему неизбежному расчленению СССР, явилось первым пробным шаром в масштабном проекте уничтожения СССР. За этим проектом стояли вполне определенные силы как на Западе, так и у нас в стране, в том числе и в составе тогдашнего руководства.

Впрочем, о том, удалось ли мне объективно осветить непростые события 8–9 ноября 1975 года, судить уже читателю.

Огромное спасибо за помощь в создании книги адмиралу В.Е. Селиванову, капитану 1-го ранга В.В. Олейникову, ветеранам ВМФ, Балтийского флота и моим сослуживцам по 118-й бригаде кораблей ОВР. Особая благодарность за предоставленные материалы начальнику Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ В.С. Христофорову, заместителю начальника архива ФСБ А.П. Черепкову и сотруднице архива Е.А. Кандаковой.

Часть первая Этапы большого пути

Глава первая Становление будущего коммунара

Главной фигурой описываемых событий является, безусловно, заместитель командира большого противолодочного корабля «Сторожевой» по политической части капитан 3-го ранга Валерий Михайлович Саблин. А потому, чтобы лучше понять предысторию и историю мятежа на «Сторожевом», мы в обязательном порядке должны внимательно познакомиться с биографией главного «героя» тех событий. Без анализа жизненного пути Саблина и его служебной карьеры мы просто не сможем во всей полноте понять суть событий, происшедших осенью 1975 года на Балтийском флоте.

Уверяю вас, что биография замполита «Сторожевого» заслуживает того, чтобы с ней познакомиться как можно подробнее. В ней нас ожидает много интересного и неожиданного.

Конечно, можно было бы ограничиться официальными данными биографии, изложенными Саблиным на допросе 13 ноября 1975 года в Москве. Но это всего лишь несколько ничего не значащих строчек с датами рождения Саблина, членов его семьи и основными перемещениями допрашиваемого по ступеням военно-морской службы.

Как известно, никто не может лучше и подробней рассказать о жизни человека, чем он сам. А потому я считаю большой удачей, что у нас есть уникальная возможность посмотреть на жизнь и службу Валерия Михайловича Саблина глазами его самого. По определенным причинам Саблин оставил в назидание потомкам свою автобиографию, написанную почти на тридцати машинописных страницах. Скажу честно, не часто доводится видеть столь трепетное отношение человека к собственной персоне. О самой автобиографии, как о «революционном и историческом документе», мы поговорим еще в свое время, пока же воспользуемся возможностью послушать самого Саблина.

Свою автобиографию В.М. Саблин начал так: «Я родился 1 января 1939 года в Ленинграде и в этом же году оказался перевезенным на Север в г. Полярный, т. к. отец мой был военно-морским офицером. Север – это моя Родина. Это мое твердое убеждение, т. к. именно на Севере я понял, что существую, там же я понял через чисто детское такое восприятие, какие отношения могут быть хорошими между людьми.

Семья наша была сложной, но хорошей, дружной. Отец – уважаемый человек на флоте, служил в штабе большим начальником. Очень честный, добросовестный, он все отдавал службе. У меня до сих пор перед глазами телефон, стоящий у его кровати. Этот телефон унес много здоровья отца. В редкие часы отдыха отец рвался на природу, занимался рыбалкой, он умел хорошо отдыхать. Где он был – там веселье, шум, всеобщий интерес, энергии у него было хоть отбавляй. С нами – тремя сыновьями, он занимался мало. Мы своим детским чутьем понимали, что он очень занят и уважали его без взаимной любви, ласки».

На одном из допросов В.М. Саблин говорит об отце несколько иначе: «Мой отец был военно-морским офицером, прошедшим войну и в конце службы ставшим большим начальником на Северном флоте».

Честно говоря, характеристика и семьи, и отца несколько странные. Во-первых, если семья была «хорошей» и «дружной», то почему она была «сложной»? В чем именно состояла «сложность» саблинской семьи? Во взаимоотношениях ли между собой родителей, родителей и детей, или детей между собой? Совершенно понятно, что Саблин здесь что-то серьезно

недоговаривает. Но зачем тогда ему вообще было писать, что семья была «сложной»? На первый взгляд глупо, но это только на первый взгляд. Впоследствии мы еще не раз убедимся, что Саблин ничего в своей жизни не делал спонтанно, каждый его поступок, каждое его слово были продуманы и логичны. Железная логика есть и в этой, на первый взгляд, казалась бы, странной характеристике своей семьи. А дело здесь, скорее всего, вот в чем. Наш герой был совершенно уверен, что является личностью исторического масштаба, жизненный путь которого будут изучать и современники, и потомки. Предполагая, что дотошливые историки, изучая его родословную, найдут нечто в его семейной хронике, что не соответствует понятиям о нормальное семье, он заранее подстраховался, назвав взаимоотношения в своей семье сложными. Конечно, дела семейные – это дела сугубо личные. Но не я, а именно Валерий Михайлович сам решил вынести на суд общественности взаимоотношения в своей семье. Только поэтому мы о них и говорим.

Весьма двойственное впечатление возникает и от рассказа Саблина о своем отце. С одной стороны, он характеризует его положительно, но с другой – в этой «положительности» скользит странная недосказанность. При чем какой-то телефон, стоящий у кровати и унесший у отца много здоровья? Он что, руководил флотом, лежа на кровати? Если его в вечернее время и выходные дни вызывали по телефону решать какие-то срочные вопросы, то это вполне обычные флотские дела. Если все обстояло именно так, то так и надо было писать. Но фраза с телефоном довольно странная.

Затем Саблин характеризует отца как человека, который любил и умел отдыхать с друзьями и в веселых компаниях, при этом совершенно не занимаясь своими детьми. Сыновья отца уважали в силу его служебного положения, но взаимной любви, как пишет Саблин, между ними не было. Может, именно в отношении отца к семье и состоит вся «сложность» семьи Саблиных. Впрочем, это их семейные дела.

В отличие от отца, о матери Саблин пишет так, как только может писать о матери любящий сын: «О моей маме, Саблиной Анне Васильевне, очень трудно говорить мало, т. к. она очень много сделала для нас. Она для нас – трех братьев – была всем, если можно так сказать. Она была умная, начитанная, красивая, мягкая по характеру, внимательная к людям, пользовалась всеобщим уважением. Она привила мне уважение к людям, книгам, искусству, к жизни. Я именно благодаря ей понял, как надо широко смотреть на жизнь, любить людей. Особенно я ей благодарен за то, что она мне привила любовь к книгам... Я понял, что надо всегда быть честным по отношению к себе и к людям. В этом красота жизни. Не зря других взаимоотношений между людьми, я видел жизнь страны нашей сквозь призму страниц книг».

Далее Саблин излагает свои политические взгляды в детском возрасте: «Я был самозабвенно предан Ленину, Сталину, активно участвовал в работе пионерской организации, был председателем совета отряда, создавал даже команду по образцу гайдаровского Тимура, увлекался спортом, играл в хоккей, волейбол, смотрел на мир восхищенными глазами, т. е. был пионером образца 40-х годов, 50-х годов».

Наряду, прямо скажем, с активной общественной деятельностью о своей учебе он пишет более скромно: «Учение не вызывало у меня особого энтузиазма, получить больше пятерок, т. к. преподавание велось вяло, настырно, нудно, в оценках колебания у меня были постоянно от “3” до “5”, по настроению. Лучше шли гуманитарные предметы».

Однако затем в жизни Валеры Саблина происходят кардинальные перемены. Из-за болезни его старшего брата отец вынужден был написать рапорт с просьбой о переводе в более благоприятный для здоровья сына климатический район. Просьба была удовлетворена, но с мечтой об адмиральской карьере Саблину-старшему пришлось навсегда распрощаться. Ему была предложена должность заместителя начальника речного училища в городе Горьком (ныне Нижний Новгород) по военно-морской подготовке. И хотя штатная категория

там была вполне соответствующая его званию капитана 1-го ранга, речное училище являлось служебным тупиком. Вернуться оттуда на действующий флот было уже невозможно. Можно представить душевное состояние Саблина-старшего, понятны мне и мальчишеские переживания Саблина-младшего.

В 1972 году моего отца перевели из Грехихи в Лиэпаю. Ситуация почти такая же, как и в семье Саблиных. Из-за состояния здоровья моей младшей сестры, которая не могла жить на Крайнем Севере, папа вынужден был уйти с перспективной должности на действующем атомном флоте и перевестись на пенсионную, но в более благоприятном климатическом регионе. Разумеется, он тяжело переживал это изменение в своей судьбе. Не менее его тяжело переживал переезд из Грехихи и я. Характер взаимоотношений, понятий о дружбе и чести даже среди детей на Севере были совсем иными, чем на Большой земле. Доучиваясь в Лиэпае три последних класса, я все равно считал родным именно свой грехихский класс. Даже сейчас, по прошествии более трех десятков лет с окончания школы, я поддерживаю отношения именно с моими грехихскими одноклассниками. Поэтому мне вполне понятны переживания маленького Валеры Саблина, выдернутого из привычного ему гарнизонного мирка в огромный миллионный город, люди в котором жили совсем по иным законам и понятиям.

Но вернемся к нашему герою. Из автобиографии Саблина: «Переезд в Горький в 1953 году, почти сразу после смерти Сталина послужил, я считаю, своеобразным переломным моментом в моем сознании. Я так же продолжал активно участвовать в комсомольской работе, а затем был членом комитета комсомола школы, но перед глазами встал новый образ жизни. Я увидел жизнь горьковских людей в Горьком. Они противоречили тому стереотипу общественной жизни, которая создало мое воображение на Севере. Кругом пробивались, обогащались, устраивались, подстраивались. Многие на претворение в жизнь понятий о чести и совести смотрели как на подвиг Дон Кихота».

Далее Саблин описывает случай во время плавания его с семьей по Волге на пароходе «Лермонтов» в 1955 году. Саблины ехали в 1-м классе и к ним на палубу 1-го класса пришли посмотреть, как живут состоятельные люди, мальчишки из 3-го класса, которых администратор сразу же выставил в весьма грубой форме. На Саблина это произвело большое впечатление. «Я был в роли барчука», – написал он об этом эпизоде своей жизни. Эпизод на самом деле неприятный. И здесь я разделяю возмущение Валеры Саблина, понимаю, какими глазами смотрели на него эти выгоняемые мальчишки и как он чувствовал себя под их взглядами.

Свое пребывание в старших классах школы Саблин описывает так: «Я стал пристально всматриваться в окружающую жизнь. Путешествие по Волге и последующая жизнь в Горьком сильно поколебали мою веру в существование справедливости у нас в стране. Но вопрос, почему так, а не иначе, почему вот такие противоречия у нас, оставался открытым. Грубая ломка авторитета Сталина в 1956 году оставила тоже глубокий след в сознании. ...Встал вопрос в Горьком – куда идти после окончания школы. Насмотревшись на затхлую, мерзкую жизнь горьковских горожан, я отшатнулся от первого варианта идти в институт...»

Да, история, произошедшая на пароходе, была некрасивой, но ведь не только это событие произошло в жизни Валеры Саблина за годы его жизни в Горьком? Ведь было же хоть что-то хорошее! Почему же он ни словом об этом не упоминает? Наверное, каждый из читателей вспомнит хоть что-то светлое, что было в его детстве и юности. У Саблина, оказывается, ничего этого не было! И это действительно страшно! Может, мы жили с Валерой Саблиным в разных государствах? Ну а то, как он отзывался о жителях города, не может не вызывать возмущения. А потому хотелось бы посоветовать профессиональному демореволюционеру Борису Немцову, который ратует за установку в Нижнем Новгороде (бывшем Горьком) памятника Саблину, чтобы на пьедестале этого памятника были бронзой запечатлены слова самого героя: «Насмотревшись на затхлую, мерзкую жизнь горьковских горожан,

я отшатнулся...» Кстати, в свете вышеизложенного можно ходатайствовать и о присвоении Валерию Михайловичу Саблину звания почетного нижегородца.

Но вот школа закончена. Что дальше? Саблин вспоминает: «Решил идти в военно-морское училище имени Фрунзе. Оно встретило меня сильнейшей проверкой моих моральных качеств, я имею в виду жесткий лагерный режим общевоинской подготовки молодого матроса. После 17-летнего домашнего уюта это было тяжелым испытанием».

Что тут сказать... Честно говоря, я никогда еще не встречал в автобиографиях моряков сетований на трудности курса молодого матроса (бойца). Через этот обязательный этап службы прошел каждый, кто когда-то носил военную форму. Понятное дело, что курс молодого бойца не самое лучшее время службы, но ведь это всего какой-то месяц, да к тому же у курсантов военно-морских училищ он был всегда намного более щадящим, чем в армии. Саблин же описывает некий «жесткий лагерный режим». Его что, на лесоповал гоняли или собаками травили? И при чем здесь моральные качества? Если бы Саблин написал о волевых и физических качествах – то все понятно. В начале службы все устают, и, чтобы не раскисать, требуется воля. Но моральные? У только что принятого курсанта сразу же начались проблемы во взаимоотношениях с товарищами? Если это так и Саблин пишет честно, то, значит, он не смог вписаться в курсантский коллектив, стоять наравне с другими наряды, чистить картошку, делать приборки. Значит, речь идет о том, что мораль Саблина уже не соответствовала морали остального коллектива. Кто же был прав, Саблин или остальные три десятка курсантов его класса?

10 ноября 1956 года Саблин принял воинскую присягу. Но вернемся к автобиографии нашего героя: «Примерно год я не думал о политике, жизнь была сплошным комком переплетений службы и учебных вопросов, личного ничего не было. Второй и третий курс – поиск справедливости и истины по ряду мелких вопросов. Ну, такие, к примеру, как к курсанту Гришанов (а у него отец был адмиралом) приезжает отец, его срочно снимают с занятий, предоставляют время для встречи, и он уезжает чуть ли не на целый день. А когда к курсанту Малышеву приезжает мать из колхоза и сидит два часа на КПП, то ее даже не вызывают, не сообщают. Ставлю вопрос о равенстве родителей на партсобрании, начальники смотрят на меня как на чумного. Пишу письмо в ЦК ВЛКСМ, что из нахимовцев, это уже другой пример, воспитывают барчат. Ответа не получил. Пишу письмо Хрущеву. Это еще один пример, как по мелочам, по-детски, я боролся за справедливость».

Писал письмо Хрущеву о том, что нельзя заявлять о том, что крейсера – плавучие гробы, пока на них все-таки служат люди. Тоже ответа не получил. Ну и так далее... Но все это не носило ярко выраженного политического характера. Служба, романтика, море сковывали как-то политические мысли, и не было глубоких мыслей политических».

Об адмирале Гришанове мы еще будем вести отдельный разговор. Пока ограничимся тем, что это действительно был далеко не лучший представитель советского адмиралитета. Однако в данном случае я не вижу в его поведении ничего плохого. Ну, забрал адмирал, приехав в Питер в командировку, на день сына, ну и что тут криминального? Кто бы из отцов, имея такую возможность, удержался от подобного соблазна? Конечно, это нарушение, но... Разумеется, то, что курсанта Малышева сразу к маме не позвали – это нехорошо. Однако Саблин не пишет, когда именно эта мама приехала и чем в это время был занят ее сын. Вполне возможно, что в это время шли занятия и курсанта с них просто не отпустили. Кстати, во всем остальном и сын адмирала, и сын колхозницы учились, и жили в совершенно одинаковых условиях, одинаково несли наряды и караулы, одинаково питались. Это вам не нынешнее время! Представьте, что сегодня с сыном крестьянки из глубинки одинаково учится, ест, спит и так же разгружает картошку на овощебазе сын олигарха. Вы можете? Я нет!

Кстати, когда во время моей учебы в военно-морском училище у нас, подобно адмиралу Гришанову, родители забирали наших сокурсников, мы этому радовались, так как по

неписаному курсантскому закону отпускаемый всегда возвращался в роту с разными вкусностями, которые тут же делились на всю курсантскую братию. Если Саблин не упрекает Гришанова-младшего в том, что тот поедал мамины пироги ночью под подушкой, это значит, что тот честно делился всем со своими товарищами. Значит, не столь уж и плохим был этот курсант Гришанов.

Однокашник Валера Гришанов – это вообще вечный раздражитель Саблина. Не раз он еще будет вспоминать с желчью о нем: и почему тот имел папу адмирала, а папа Саблина всего лишь капитана 1-го ранга, и почему тот хорошо служил после окончания училища, и почему, наконец, стал командиром корабля, а Саблин так и не одолел эту ступень службы. Ненависть к Гришанову-младшему Саблин пронесет через всю свою службу на флоте. Внешне считаясь однокашником и даже другом Гришанова, запросто бывая в доме Гришановых, как одноклассник сына и сын бывшего сослуживца адмирала, Саблин в то же время всегда в душе будет люто ненавидеть семью Гришановых. За что же? Да за то, что старший Гришанов, будучи когда-то в одних чинах с его отцом, сумел подняться до уровня одного из руководителей ВМФ, а его отец так и остался до конца дней прозябать в никому не известной речной бурсе. Ненависть Саблина – это ненависть, замешанная на семейной зависти, а потому ненависть самая жгучая и беспощадная.

Что касается Валерия Гришанова, то он вполне достойно служил Отечеству. Из биографии адмирала Валерия Васильевича Гришанова: в 1960 году закончил артиллерийский факультет ВВМУ им. Фрунзе. В 1960–1971 годах – служил на Черноморском флоте, последовательно пройдя все ступени корабельной службы: командир группы, командир ракетно-артиллерийской боевой части эскадренного миноносца, помощник, старший помощник командира корабля, командир эсминца, командир ракетного корабля, командир противолодочного корабля 2-го ранга «Комсомолец Украины». С 1973 года по 1991 год служил на Северном флоте в должностях: командир большого противолодочного корабля 1-го ранга «Кронштадт», начальник штаба бригады ракетных кораблей, командир бригады противолодочных кораблей, командир дивизии противолодочных кораблей, командующий Кольской флотилией. В 1991–1993 годах – первый заместитель командующего Балтийским флотом. С 1993 года – заместитель Главнокомандующего ВМФ по кораблестроению и вооружению. В 1994 году стал полным адмиралом. Был награжден орденами: Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, «За военные заслуги». Умер в Москве в 1998 году.

Служба, что и говорить, самая боевая и корабельная, все время на палубе, а не на берегу в теплом штабе. Тут уж, извините, помимо блага надо и самому что-то уметь. На одном папином имени здесь далеко не уедешь.

Кстати, общаясь с ветеранами и спрашивая их об адмирале Валерии Гришанове, я никогда не слышал о нем ни одного худого слова. Все отзывались о нем, как об очень порядочном, душевном человеке, всегда готовым прийти на помощь товарищам, неплохом командире и вполне приличном адмирале. Свою службу Отечеству адмирал Валерий Гришанов достойно закончил заместителем Главкома ВМФ, когда его отца давным-давно уже не было в живых. Кстати, в 1975 году Валерий Гришанов в звании капитана 2-го ранга был всего лишь начальником штаба 120-й бригады эсминцев Северного флота, т. е. в 36 лет занимал должность, каких в ВМФ СССР были сотни и сотни. Так что все грязные плевки Саблина в сторону своего однокашника не имеют под собой никакой почвы.

Весьма примечательно и начало эпистолярной деятельности Саблина, которая, как мы теперь знаем с его собственных слов, началась с писем в ЦК ВЛКСМ и первым лицам государства. Обратим внимание, что темы этих писем откровенно надуманные. Относительно того, что выпускники Нахимовского училища были «барчатами» – ложка чистой воды. Сотни и тысячи выпускников этого училища честно служили Отечеству на морях и океанов, гибли

в штормах, горели в отсеках. Возможно, у Саблина был перед ними определенный комплекс, так как нахимовцы были куда лучше адаптированы к курсантской жизни, чем только что оторвавшийся от мамкиной юбки Валера Саблин, но зачем же свои комплексы возводить в некую систему, да еще писать донос в ЦК ВЛКСМ, чтобы всем нахимовцам показали «кузькину мать»!

Что касается письма Хрущеву, то, во-первых, публично тот о крейсерах никогда ничего подобного не говорил, а приводимую фразу произнес, выступая перед руководством ВМФ. При этом Хрущев имел в виду, что в эпоху ракетного оружия старые артиллерийские корабли безнадежно устарели и их пора заменять кораблями с ракетным вооружением. То, что Хрущев говорил об этом образно, это, в конце концов, его дело, но уж никак не недоучки-курсанта. Тот факт, что за наглое и бестактное письмо Саблин не получил по заднице, говорит только о том, что в ЦК КПСС тогда сидели умные люди, пожалевшие зарвавшегося мальчишку. А может, надо было не жалеть и сразу турнуть его из училища? Скольких бед тогда можно было бы избежать!

После 1-го курса Саблин со своей ротой проходит корабельную практику вначале на легком крейсере «Жданов», а потом на минном заградителе «Урал» Балтийского флота. Год спустя второкурсники артиллерийского факультета снова убывают на практику на корабли Балтийского флота. Вначале курсантов размещают на эсминце «Неустрасимый», а потом переводят на трофейный немецкий крейсер «Адмирал Макаров». Именно в это время, в августе 1958 года, там же на Балтийском флоте произошло ЧП, обстоятельства которого стали достоянием гласности только спустя три десятилетия. Командир эсминца «Сокрушительный» капитан 3-го ранга Артамонов, прибывший из Балтийска в Гдыню в Отряд особого назначения, где на нескольких готовившихся к передаче индонезийским ВМС кораблях проходили подготовку иностранные команды, ушел на корабельном катере в Швецию. Там Артамонов попросил политического убежища, сразу же начав самое тесное сотрудничество с ЦРУ. Знал или не знал курсант Саблин о бегстве командира эсминца? Я склоняюсь к тому, что знал. Шила в мешке не утаишь, и, несмотря на все официальные запреты, в кулуарах об Артамонове все равно говорили. Думаю, что вряд ли тогда Саблин воспринял информацию о побеге Артамонова, как руководство к будущему действию, но определенная зарубка в памяти у него несомненно осталась. Придет время, и он еще вспомнит об Артамонове.

В 1959 году очередная корабельная практика курсантов училища Фрунзе проходит уже в Севастополе на крейсерах «Михаил Кутузов» и «Фрунзе».

При всей надуманной революционности ранней автобиографии Саблина было в ней одно слабое место – отсутствие связи будущего коммунара с народными массами. Любопытные мальчишки из бедных семей на пароходе «Лермонтов» здесь не в счет. Ну не было в жизни Саблина никакого общения с рабочими и крестьянами! При этом автор мемуаров прекрасно понимал, что для настоящего революционера такое общение просто необходимо, а то скажут, что он, как декабрист, был страшно далек от народа, и никто всерьез его не воспримет. Что же в такой ситуации делать? Выход один – искать представителей народа, писать о своем восхищении их трудом и смекалкой, о своем понимании их дум и чаяний, о том, как прекрасны их порывы и мечты. Но где их искать? Единственными представителями народа, которых Саблин мог увидеть за время своей учебы в военно-морском училище, были матросы на кораблях, где курсанты проходили практику. А потому именно этим народным представителям Саблин посвятил следующие строки: «Встречи с матросами на практике давали о себе знать. Меня поражала в них щедрость души, размах какой-то в мыслях, свобода от предрассудков и условностей. Я завидовал им и пытался так же как они ставить вопросы и решать их, но получается как-то слишком все просто и неубедительно. Появилось твердое убеждение, что все беды у нас из-за различия в уровне обучения, особенно между сельской и городской молодежью. На 4-м курсе начал думать над этим вопросом, даже создавал типа

такой программы своей резкого повышения культурного уровня. Для этого изучал историю Древнего мира, Средних веков. Внимательно отношусь к курсу истории КПСС, пишу, наконец, письмо в газету “Комсомольскую правду” Аджубею, тогда он был редактором, но ответа не получено».

Отметим, что автобиография и писалась, а потом и записывалась на магнитофонную ленту прежде всего для того, чтобы ее прокрутили перед командой саблинского корабля, т. е. перед матросами, а потому Саблин просто не мог не пропеть дифирамбов в их честь. При этом упоминание «свободы от предрассудков и условностей» можно понимать по-разному. Зачастую сегодня так описывают поведение сексуально развращенных людей и представителей сексменьшинств. Что имел под этими понятиями Саблин, мы не знаем.

Ну и, конечно же, очередное письмо с очередными поучениями в высшие инстанции – на этот раз зятю Хрущева. Как и раньше, Саблин считает себя уже специалистом в решении глобальных вопросов. Если годом ранее он учил комсомольцев страны, как воспитывать курсантов, а главу СССР, как тому выступать перед аудиторией, то на этот раз Саблин ошастливил мир (ни много ни мало!) собственной программой «культурной революции». Как и раньше, в тот раз высшие инстанции отмолчались, упорно не желая портить жизнь молодому специалисту по истории древнего мира и средних веков.

Но и в жизни нашего героя все же после стольких лет безрадостной постылой жизнь произошло наконец-то хоть что-то хорошее (и слава богу!): «В это же время встретил замечательную девушку Нину, которой я сначала клянусь, что никогда не женюсь, но в 1960 году делаю ей предложение, т. к. понимаю, что мы, как говорится, созданы друг для друга. И это не было жизненной ошибкой. Я нашел хорошего, надежного друга, любящего, верного».

Честно говоря, я так и не понял, зачем Саблину надо было клясться девушке, что он на ней никогда не женится, ведь такие слова любой девушке весьма обидны, т. к. дают понять, что она (эта девушка) не представляет для говорящего эти слова никакого серьезного интереса? Впрочем, возможно, это некая манера Саблина общаться со слабым полом. Но в целом в данном случае за Саблина можно только порадоваться. Эх, если бы любовь, жена и семья избавили его от всех фобий и комплексов! Увы, как мы знаем, ничего подобного не произошло.

По признанию Саблина, во время учебы в училище на него многие, особенно начальники, смотрели как на чумного. Сам же он называл эти поступки «мелочной детской борьбой за справедливость». Но и здесь он был неискренен, поскольку уже тогда наметил со всей одержимостью стратегическую цель – заявить о себе как о политическом деятеле с большим будущим. Об этом свидетельствует в определенной мере отношение к изучению программных предметов в училище. Будущий артиллерийский офицер, согласно зачетной ведомости, имел следующие оценки: боевое использование корабельной артиллерии – «хорошо», основы радиоэлектроники и радиотехнических средств – «хорошо», основы электротехники электропитания орудий – надводных кораблей – «хорошо», высшая математика – «удовлетворительно», теоретическая механика – «удовлетворительно», строевая и спортивная подготовка – «хорошо».

Наш флотский мир достаточно тесен. Едва я начал заниматься темой «Сторожевого», как мои знакомые начали тут же рассказывать мне о тех, кто был так или иначе причастен к теме мятежного БПК. Весьма хорошо о событиях оказался осведомлен и мой хороший знакомый и старший товарищ бывший начальник Главного штаба ВМФ адмирал Валентин Егорович Селиванов, который в 1975 году являлся командиром дивизии кораблей, в состав которой входил БПК «Сторожевой». Более того, как оказалось, Селиванов знал Саблина еще с курсантских времен.

Вспоминает адмирал В.Е. Селиванов: «В 1954 году я поступил в высшее военно-морское училище им. Фрунзе, которое закончил в 1958 году. В начале 4-го курса я был назначен

старшиной роты 2-го курса. В той роте учились и два Валерия – курсанты Саблин и Гришанов. Что касается Саблина, то ничем выдающимся он не выделялся. Учился средне, по дисциплине тоже без особых нареканий. Знаете, обычно запоминают лучших или худших, а он был обычный среднестатистический курсант, не более того. Если бы не события 1975 года, я бы его наверняка сейчас и не вспомнил».

В 1960 году Саблин заканчивает артиллерийский факультет высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе. Государственные экзамены Саблин сдал в целом неплохо: история КПСС – «отлично», боевое использование корабельной артиллерии – «отлично», приборы управления артиллерийским огнем – «хорошо», навигационная прокладка – «хорошо». Диплом Саблину подписали начальник учебного отдела ВВМУ им. Фрунзе капитан 1-го ранга Короткевич и начальник ВВМУ им. Фрунзе контр-адмирал Ванифатьев. 4 ноября 1960 года приказом министра обороны СССР № 566 Саблину было присвоено первое офицерское воинское звание – лейтенант.

По окончании училища отец-ветеран подарил сыну-лейтенанту оригинальный подарок – трофейный немецкий военно-морской кортик со свастикой на ножнах и рукоятке. Подарок для советских моряков в 60-х годах несколько странный. Впрочем, Саблину-младшему подарок очень понравился, и, считая его своим талисманом, он отныне всегда будет держать кортик при себе, храня его в каютах кораблей, где будет служить.

Итак, позади курсантские годы, впереди корабли и офицерская служба.

Глава вторая

Служба на Северном флоте

До конца непонятно, почему после окончания училища 4 сентября 1960 года Саблин не получил конкретного назначения, а был отправлен в распоряжение Главнокомандующего ВМФ. По всей видимости, это было связано с тогдашним массовым сокращением Вооруженных сил.

Лишь три месяца спустя в декабре лейтенант Саблин наконец-то получает назначение помощником командира батареи 130-мм орудий на эсминец проекта 30-бис «Ожесточенный» под командой капитана 2-го ранга Тешаева 121-й бригады эсминцев 2-й дивизии кораблей эскадры Северного флота.

Из автобиографии Саблина: «Первый год службы на Севере – это лейтенантский год. Служба на флоте началась со сложных походов, стрельб... Очень много было нагрузок, как строевого порядка, так и общественных. Коллектив офицеров на эсминце “Ожесточенный” во главе с командиром Денисовым был очень дружный, помог мне, не дал упасть духом, окрепнуть помог. Но в этих условиях мысли о политике, конечно, ушли на второй план. Сама обстановка не позволяла думать о политике. Были только мелкие всплески в виде бесед между офицерами и матросами».

Хороший отзыв о коллективе эсминца «Ожесточенный» – это, пожалуй, единственный хороший отзыв обо всей службе на флоте Валерия Саблина.

В ту пору наши корабли редко ходили за границу, а в капиталистические государства тем более. Однако незадолго до прибытия на «Ожесточенный» Саблина эсминец участвовал в первом в истории Северного флота «показе» советского флага в Гётеборге и Осло, и экипаж этим очень гордился. Однако затем с «Ожесточенным», как и с другими эсминцами проекта 30-бис, происходит серьезная неприятность. В начале 60-х годов эсминцы проекта 30-бис были лишены названий. С бортов кораблей исчезли накладные латунные буквы, и эсминцы получили трехзначные бортовые номера. Задумка была такая – так как эсминцы часто переводились с одного военно-морского театра на другой, следует «запутать» противника. Для этого не придумали ничего лучшего, чем лишить корабли персональных имен, оставив лишь номера, которые тоже время от времени менять. Запутался ли враг – неизвестно, но то, что сами все запутались от этого нововведения, это уж точно. И офицеры, и матросы встретили новшество в штыки, да и кому приятно служить на корабле без имени, а значит и без души. Что касается «Ожесточенного», то он становится судном-целью ЦЛ-22. Впрочем, впоследствии «тридцаткам» вернут их первоначальные имена, но это будет уже без Саблина.

Журналисты-либералы любят писать о неких «блестящих саблинских аттестациях» (то бишь служебных характеристиках) лейтенанта Саблина. Увы, листая личное дело Саблина никаких «блестящих аттестаций» в его лейтенантский период я не нашел. Ну а тот факт, что лейтенанту Саблину задержали следующее воинское звание «старший лейтенант», говорит сам за себя. По старой флотской традиции «третью лейтенантскую звезду», как правило, никогда не зажимают, понимая, как она важна для молодого офицера. А потому если Саблину все же задержали старлея на год, значит, для этого имелись весьма веские основания, а именно существенные упущения в служебной деятельности.

Некоторые журналисты, пишущие о Саблине, связывают задержку звания старшего лейтенанта с его борьбой за правду. Мол, высунулся молодой, ищущий правду офицер – и тут же злые начальники задержкой нового звания свели с правдолюбцем свои счеты. При этом, как это обычно бывает у наших журналистов, кроме общих рассуждений никаких конкретных документов они не приводят. Наивные сочинители! Да если бы с Саблиным действительно хотели свести счеты, его бы с ЦЛ-22 задвинули в такую дыру, откуда он до конца

своих дней никогда бы не выбрался. На самом же деле вскоре Саблин действительно покидает свою «тридцатку», прослужив на ней меньше года. Однако никаких счетов с ним никто не сводил. Нерадивого лейтенанта просто проучили, дав понять, что служить ему следует значительно лучше, чем он это делает. Ну а чтобы дать шанс на исправление, перевели на более перспективный корабль.

2 ноября 1961 года Саблина переводят к новому месту службы командиром группы управления артиллерийским огнем на новейший эсминец проекта 56 «Сведущий», входившего в состав 170-й бригады эсминцев 2-й дивизии противолодочных кораблей Северного флота. Приказ о переводе подписывает командир судна-цели ЦЛ-22 капитан 3-го ранга Денисов. С собой Саблин переносит на «Сведущий» и свой талисман – трофейный фашистский кортик со свастикой на ножнах и рукоятке.

Что касается звания старшего лейтенанта, то Саблин получает его только 9 марта 1963 года (приказ командующего Северным флотом № 098). Все дело было в том, что служба на «Сведущем» у Саблина долго не складывалась. Он несколько раз не мог сдать на допуск к самостоятельному командованию своим заведением. Когда же, наконец, все зачеты Саблин осилил, то и третью звездочку на погоны получил.

На «Сведущем» Саблин задержался надолго, на целых четыре года. Как и предыдущий корабль Саблина, «Сведущий» был достаточно новым кораблем, пробывшим в составе флота, к моменту прихода туда Саблина, всего пять лет. Корабль только что вернулся из Ленинграда, где стоял в ремонте и был поставлен на консервацию. Однако вскоре «Сведущий» был в срочном порядке выведен из консервации, приведен в божеский вид и поставлен у пассажирского причала в Мурманске, где его 17 июля 1962 года посетили министр обороны СССР Р. Малиновский и главнокомандующий ВМФ С. Горшков.

Мог ли подумать Главком ВМФ, проходя вдоль застывшего в постойке «смирно» на палубе экипажа, что спустя тринадцать лет один из стоящих в этом строю офицеров станет его личным врагом, дерзнув захватить новейший боевой корабль. Я не знаю точно, какое впечатление произвело на Саблина посещение корабля Малиновским и Горшковым, но думаю, что сильное. Не каждый ведь день приходят министр обороны СССР с Главкомом ВМФ на обычный эсминец.

Казалось бы, что теперь все вошло в свою колею и можно нормально служить, как служили тысячи и тысячи других флотских офицеров. Но Саблин был не таким, как все остальные тысячи. Если те мыслили масштабами какой-то боевой части, то наш «герой» мыслил совершенно иными категориями.

Из автобиографии Саблина: «В 1961 году перешел служить на эсминец “Сведущий”. Теперь меня уже волновал другой вопрос. Я столкнулся с рутинной, косностью в партийной и комсомольской работе, в системе политических занятий. Пришел к убеждению, что дело не в образовании сельского населения, решил, что вопрос куда серьезнее. Какая-то апатия и безразличие масс на внутреннюю политику КПСС и комсомольской работе. Пишу опять же письмо Гришанову, начальнику ПУ ВМФ о том, что надо менять тематику политических занятий, что она не вызывает политических мыслей у личного состава. Ответа опять не получаю. В это время я начал много читать Ленина, причем читать глубоко. Прихожу к мысли, что надо бороться за чистоту партии. По этому поводу пишу письмо в ЦК КПСС о необходимости чистки партии. Оно мне стоило большого труда, но получилось... наивным, но очень метким таким, хлестким. Перепечатаваю его, отправляю. Читаю нескольким друзьям и жене. Все ахают, говорят, что-то будет. Особенно тяжело жена переживала, т. к. скоро должен был появиться сын... Ну, а результат был: вызвал меня командир корабля капитан 2-го ранга Калинин Алексей Михайлович, насупил брови, спрашивает, что за письмо, куда я писал. Отвечаю и даю копию почитать. Прочитал, покрутил головой, дескать: “Вот дает!” Но остался доволен, что я не клязник. А на следующий день мы с ним поехали в обком

партии в Мурманск во главе с начальником политотдела капитаном 2-го ранга Зайцевым. По дороге я запальчиво доказывал начпо о возросшем коммунистическом чванстве среди коммунистов. Он нехотя, но сердито мне так отвечал. В обкоме встретил нас, наверное, какой-то секретарь, но не первый. Он удивленно посмотрел, с кем из троих вести беседу, кто же письмо написал, ну а потом как в назидание разъяснял мне, что такое руководящие органы партии и как их надо уважать и любить. Позже в беседе выяснилось, что письма он не читал, беседовал по звонку из ЦК. Я с ним разговаривал в несколько резких тонах, и расстались каждый при своем мнении. Зайцев остался крайне недоволен моим поведением.

А на корабле развернулась, когда я приехал, дискуссия по содержанию письма. Политотдел пустил слух, что Саблин чуть ли не антисоветчину написал. Потом на меня начали коситься: одни с интересом, другие с ужасом... политотдел запретил доводить его (письмо) до других коммунистов на других кораблях... В результате всего выбрали меня секретарем партийной организации корабля. Это, я считаю, была такая моральная поддержка. Они (офицеры корабля) были честными, мыслящими людьми, но им не хватало смелости».

Эту часть автобиографии Саблина следует прокомментировать. Вспоминает контр-адмирал в отставке В.Т. Лосиков: «Когда произошло “ЧП” со “Сторожевым” меня вызвал к себе ЧВС Северного флота вице-адмирал Сорокин и кое-что рассказал о мятеже Саблина. Так как тот ранее служил у нас на 2-й дивизии, он попросил меня собрать ему информацию о нем тех, кто с ним служил раньше, для лучшего понимания Саблина как личности. Напрямую спрашивать офицеров о Саблине я не мог, пришлось придумывать легенду. Вначале я собрал офицеров политотдела и задал им вопрос, что с Балтики к нам просится бывший наш сослуживец Саблин, как вы смотрите, можно ли его взять и куда. Офицеры сразу вспомнили его, и единодушное мнение было такое, что Саблина если и брать, то пропагандистом, так как он учил Ленина наизусть и знает его цитаты на все случаи жизни. Потом я собрал штаб. Лучшее всех Саблина помнил начмед дивизии подполковник Михайлин. Однажды, когда командир был в отпуске, он две недели провел с Саблиным на корабле в море. По мнению Михайлина, Саблин был человек с очень большими странностями. Даже в обыденной жизни любил говорить ленинскими цитатами, чем всех приводил в изумление. Запомнилось и то, что едва оставшись за командира, он собирался сразу отменить все его приказы по организации внутренней службы и написать свои. Когда Михайлин его спросил, зачем это надо, Саблин ответил, что он лучше всякого командира знает, как надо организовывать службу на корабле, и, пока он врио командира, корабль будет жить только по его законам. В свободное время Саблин проводил в каюте и читал подряд труды Ленина или что-то писал. Спрашиваю как-то: “Что ты все пишешь?” Отвечает: Пишу письмо Хрущеву, как преобразовать наше общество, вот уже 18 страниц написал”. Через какое-то время встречаю его, говорит, что уже письмо отослал». Относительно знаменитого письма к Хрущеву В.Т. Лосиков вспоминает так: «Когда Саблин отослал письмо Хрущеву, то не подписался званием, а указал просто фамилию и домашний адрес. Поэтому ответ из секретариата ЦК пришел в Мурманский обком к тогдашнему секретарю Денисову. Тот через нарочного прислал Саблину письмо с просьбой прибыть в обком партии. Письмо у Саблина, кстати, было весьма красноречивое. Главная мысль в письме была такая: так как на корабле должно быть единоначалие, то следует разогнать партийные и комсомольские организации, которые мешают командирам единолично решать все вопросы. Когда Саблин с начальником политотдела Зайцевым прибыли в обком и когда Денисов увидел, что автор письма офицер, то очень обрадовался, т. к. “искатель правды” оказался не из его епархии. Весьма доброжелательно поговорив с Саблиным, он тут же позвонил ЧВСу Северного флота Сизову:

– Федор Яковлевич, тут у меня сидит твой офицер. Он написал письмо Хрущеву. ЦК просит разобраться, так что ты и разбирайся. Само письмо я тебе сейчас перешлю фельдъегерем.

Саблина тут же машиной отправили к Сизову. Надо сказать, что Федор Яковлевич Сизов был добрейшей души человек, очень любивший делать людям добро, за что имел негласную кличку «Дед Мороз». Он разговаривал наедине с Саблиным четыре часа, убеждал его, но так ничего толком не добился. Напоследок сказал:

– Да, тяжело тебе придется в жизни, так как в твоей голове очень много тумана. Чтобы все правильно понимать, тебе еще надо учиться и учиться!

Последнюю фразу Саблин крепко запомнил, а потом, когда решил поступать в академию, ловко напомнил Сизову, что тот, дескать, сам выразил желание отправить его на учебу. Добрый Федор Яковлевич только покивал головой, что, мол, действительно было дело, обещал...»

Как можно прокомментировать вышеизложенные абзацы биографии нашего героя? Что и говорить, Саблин в своем репертуаре. Он снова строчит письма. Но если раньше он учил, как надо воспитывать курсантов, о чем следует говорить руководителям государства с высокой трибуны, как осуществлять культурную революцию в стране, то теперь мысль его ушла намного дальше. Теперь Саблин всерьез решил заняться развитием политической мысли у личного состава. Разумеется, как и обычно, задумав очередной бред, Саблин тут же отправляет очередное поучительное письмо в Москву. На этот раз он осчастливил своими изысками политическое управление ВМФ. Но там, как и обычно, подло промолчали.

Зададимся вопросом, а почему Саблин вдруг ни с того ни с сего начал в 1961 году строчить письма в политическое управление ВМФ адмиралу Гришанову? У помощника командира батареи 130-мм орудий, что, нет своих служебных дел, или он к этому времени уже в совершенстве познал профессию корабельного артиллериста, и ему уже больше нечего было делать, кроме как помочь в делах и корабельному замполиту? А может, это стучало сердце истинного коммуниста, радевшего и болевшего за любой недостаток, попавший в поле его зрения? И почему вдруг сразу писать именно в Москву, и именно адмиралу Гришанову? Не лучше ли было для начала показать личным примером, как надо готовить и проводить политические занятия с матросами? Пригласить для этого к себе на занятия и сослуживцев, и начальников. Посмотрите, мол, как надо работать, и впредь делайте так же! Почему бы не выступить по данному вопросу на партсобрании или на партактиве? Почему бы не поговорить на эту тему с опытными политработниками – замкомбригом, начальником политотдела дивизии, наконец, даже с начальником политуправления Северным флотом? Почему сразу надо строчить бумагу на плохую организацию политзанятий в Москву?

Для меня ответ на этот вопрос предельно ясен. Дело в том, что Саблин писал вовсе не письмо, он писал донос, так как не мог не понимать, что ответной реакцией ПУ ВМФ на его послание будет не формальный ответ писавшему, а проверка данного соединения по поднятому в письме вопросу. Саблин просигналил в лучших традициях борцов за «правду», и Москва не могла не отреагировать на этот сигнал. Сетования же Саблина на то, что он так и не получил личного ответного письма от адмирала Гришанова, несерьезны. С чего бы это трехзвездному адмиралу вступать в переписку с каким-то лейтенантом? Этого Саблин тоже не мог не понимать. На самом деле никакого ответа от Гришанова он и не ждал, ибо цель доноса была совсем иной. Политзанятия были лишь поводом для личного обращения. Дело в том, что к этому времени служебные пути бывших однокашников Гришанова-младшего и Саблина разошлись. Последний прекрасно понимал, что он выпал из поля зрения Гришанова-папы, а значит, не может рассчитывать на его покровительство. Рассчитывать на поддержку отца он тоже не мог, тот к этому времени уже пребывал в глубокой отставке. В сложившейся ситуации надо было как-то напомнить старшему Гришанову о себе. Вот, мол, я сын вашего старого друга и однокашник вашего сына, не раз у вас пивший и евший, прозябаю ныне всеми позабытый и прошу поддержки! К тому же я принципиален и очень люблю

политические занятия, а потому был бы не прочь, если бы вы забрали меня от осточертевших пушек в замполиты.

Но все вышло иначе. Москва на сигнал все же прореагировала, но не так, как рассчитывал Саблин. Кому надо, «за формальное проведение политзанятий» внушение сделали, при этом посчитав излишним информировать об этом какого-то лейтенанта. Гришанов то ли не понял, какой именно Саблин взывал к нему из северных снегов, или просто сделал вид, что не понял. Мало ли детей его старых сослуживцев служит на флотах, всем им составлять протекцию никаких сил не хватит!

А потому, когда впоследствии на одном из допросов Саблин со злостью заявил, что он целых 14 лет (!) ждал ответа на свое принципиальное письмо, но так его не дождался, он лукавил. Не умного московского дядю, который в момент выправит положение с политзанятиями, ждал Саблин, а изменения своей собственной судьбы. Но Гришанов в тот раз отмолчался, и Саблин остался тянуть ляжку артиллерийского лейтенанта. Этого долгого и напрасного ожидания и невнимания к своей особе, несмотря на все их весьма хорошие последующие отношения, Саблин старшему Гришанову не простил до самой смерти.

Итак, авантюра с адмиралом Гришановым не сработала, что же делать дальше? Сразу же разочаровавшись в возможности «вызывать политические мысли у личного состава» (интересно, какие именно?). Саблин решил обратиться к более масштабным проектам. На этот раз он замыслил одним махом очистить партию от всех плохих людей. Себя при этом он явно считал человеком хорошим. Что и говорить, кругозор Саблина с курсантских времен заметно вырос. Если раньше он строчил подметные письма о чванстве мальчиков-нахимовцев, то теперь обвинил в том же самом чванстве уже всю КПСС. И сразу новое письмо, но уже сразу в ЦК. Пусть узнают, какой борец за революционную чистоту имеется на Северном флоте. В ЦК письмо получили, прочитали, почесали затылки и, как мы знаем, позвонили в Мурманский обком, мол, завелся там у вас один идиот, образуйте его. Вместе с Саблиным вызвали в Мурманский обком его командира корабля и начальника политического отдела. Оба от неутомимого артиллериста были, мягко говоря, не в восторге. Своих дел невпроворот, а тут еще какой-то лейтенант с мировыми прожеками лезет, лучше бы службой занимался. В обкоме Саблина пытались образумить, но он начал лезть в бутылку и хамить. По словам Саблина, его взбесило, что его принял не первый секретарь обкома и что тот не уяснил позиций саблинского трактата. Контр-адмирал Лосиков пишет об обратном. Затем от Саблина многие отвернулись. Но он уже вошел в роль пророка местного масштаба и напросился в секретари партийной организации корабля. Почему выбрали именно его? Ну кому помимо своих собственных служебных обязанностей хочется проводить собрания, писать протоколы и собирать партвзносы? Саблин напросился, за него и проголосовали. Но даже этих ребят, которые выбрали Саблина в секретари партячейки, он все равно напоследок пнул ногой, обозвав в своих воспоминаниях трусами. Почти так же, как ранее припечатал и своих земляков из Горького...

А в октябре 1963 года «Сведущий» был переведён на Черноморский флот, где вошел в состав 11-й бригады эсминцев 30-й дивизии надводных кораблей. В Севастополе «Сведущий» особенно не застаивается. В 1964 году корабль участвовал в учениях по противолодочной подготовке; в следующем году – снова на учениях.

Ну а как Саблин выполнял свои первые офицерские обязанности, прибыв в декабре 1963 года на Черноморский флот? К сожалению, молодому офицеру было не до корабельной службы: ему не давали покоя «более важные проблемы». Об этом в своей автобиографии он рассказывает с предельным откровением. Одна из таких насущных проблем – смена корабельной специальности.

Генерал-майор Борискин в своей статье «Лицедеи» по этому поводу вполне справедливо пишет: «Как большинство амбициозных и эгоистичных людей, Саблин с недоброй

завистью оценивал чужой труд. Ему казалось, что хлеб политработника намного легче, чем тот, который предстоит добывать ему. В этом мнении он утвердился после того, как действительно столкнулся с трудностями – не эфемерными, а настоящими. С первых же месяцев лейтенантской службы Саблин мучается своей “тяжелой корабельной участью”, строит планы о смене тяжелых “серых” будней корабельного артиллериста на “райское ничегонеделание” политработника. В одной из “программных” речей он довольно подробно рассказывает о своих “метаниях”. В ней меркантильные цели проглядывают довольно явственно...» Да и вправду, какая уж тут корабельная служба, если все мысли – лишь забота о личных делах?

Самому Саблину на Черноморском флоте не нравилось. У него и на Севере не слишком складывалась карьера, а на Черноморском флоте пробиться наверх было еще сложнее, уж слишком большая конкуренция. Ощутимой была и разница в окладах, ведь на Севере имелись существенные надбавки, которые отсутствовали на юге. К тому же в Севастополе традиционно плохо обстоял и квартирный вопрос, а ведь у Саблина была уже семья. Приходилось снимать углы, и на это уходила львиная доля небольшой черноморской зарплаты.

Из автобиографии Саблина: «Позже корабль перешел в Севастополь на ремонт. Случай с неудачным письмом для меня все более и более наталкивал на мысль, что КПСС – это только фиктивная мера, которая в создавшихся условиях ни к чему не приведет. Но что же тогда делать? Я просто не представлял. Снова начал много читать Ленина, Маркса, Энгельса. Итак, я от культурной революции, от мысли о чистке партии перебрался к мысли изменения государственного аппарата. Но что и как в нем менять, не мог ответить, не хватало знаний. Большое впечатление на меня оказала работа “Государство и революция” Ленина. Многие вопросы из этой работы обходятся в нашей действительности стороной, не затрагиваются они. Я понял, как далеко мы ушли от принципов Парижской коммуны, к которым призывал Ленин. В этот момент мысли у меня клокотали в голове, и все искал я причин, почему так, а не иначе у нас складываются отношения в стране. В это время я уже предсказывал, что Хрущев повторит культ Сталина и что неизбежно он должен будет тоже уйти с политической арены. Что-то, я чувствую, надо было делать, но не хватало знаний. Забывали меня цитатами и давали понять, что серый я в вопросах политики. Пишу в Ленинградский университет с просьбой разрешить учиться если не заочно, то экстерном. Дали отказ, экстерном, говорят, нельзя, а заочно не положено по приказу Министра обороны. Остается один выход – это Военно-политическая академия. Пишу туда. Это было в шестьдесят четвертом году. Присылают правила приема. Оказывается, надо с должности капитан-лейтенанта и надо два года прослужить в этой должности. В Севастополе такие должности не валяются, и надо минимум ждать два года. Созревает решение – все-таки поступить в академию. Решение серьезное, сложное... Но тем не менее решение принято».

Саблин пишет несколько рапортов о переводе на Северный флот, и его просьба в конце концов была удовлетворена. Старший лейтенант возвращается на Северный флот.

Что касается «Сведущего», то судьба его будет вполне счастливой. Впоследствии эсминец отличится во время боевых проводок наших судов в Средиземном море во время египетско-израильской войны 1973 года. Да и вообще походы в Средиземное море станут для него едва ли не ежегодными. Только в 1992 году почти сорокалетний «Сведущий» будет выведен из боевого состава флота и отправлен для резки на металл. Я сам хорошо еще помню, ожидающий своей очереди умереть под автогенном, его сиротливый полузатонувший корпус в Инкермане...

Итак, в 1965 году командир «Сведущего» капитан 2-го ранга Малаховский подписал перевод Саблина с корабля в распоряжение командующего Северным флотом.

А спустя месяц Саблин получает назначение помощником командира на корабль противолодочной обороны проекта 159 ПЛК-25 130-й бригады 2-й дивизии кораблей ПЛО Северного флота под командой капитана 3-го ранга Хохлова.

Год спустя в ВМФ СССР вводится новая классификация кораблей, и ПЛК-25 получает новое наименование, отныне он становится СКР-33. Корабль по-прежнему входил в 130-ю бригаду 2-й противолодочной дивизии, и командовал кораблем все тот же капитан 3-го ранга Хохлов. И на сторожевике следующее звание капитан-лейтенанта Саблин опять получает с задержкой – 8.5.1966 года приказом командующего Северным флотом № 320.

На СКР-33 Саблин задержался надолго – почти на четыре года.

Из автобиографии Саблина: «Пишу рапорт о переводе на Север. Переводят, предлагают должность помощника командира на СКР – на сторожевой корабль. При назначении предупреждаю комбрига капитана 1-го ранга Крылова, что через два года – по положению, как я сказал, два года служить в должности, – что через два года буду уходить в Политическую академию. Он воспринял это как шутку и легко согласился. Два года, с 1966 по 1968, были очень тяжелыми для меня, т. к. должность помощника была самая сложная, нервная, ответственная. Служить надо было хорошо, чтобы пустили в академию. Политику пришлось оставить на второй план. Собирал только интересные факты, обличающие нашу действительность, и читал классиков марксизма-ленинизма».

В академию Саблина с СКР-33 отправлял все тот же капитан 3-го ранга Хохлов. Что касается самого корабля, то СКР-33 надолго переживет служившего на нем Саблина. В 1980 году уже далеко не новый сторожевик пройдет основательную модернизацию и прослужит верой и правдой на Северном флоте еще полтора десятка лет до 1995 года, когда будет порезан «на иголки».

Бывший главнокомандующий ВМФ адмирал Масорин был в свое время дружен с командиром СКР-33 Хохловым. По словам Масорина, тот крайне негативно отзывался о своем помощнике, рассказывал, что тот тяготился должностью помощника командира и, откровенно манкируя своими служебными обязанностями, предпочитал проводить рабочее время в каюте за чтением трудов Ленина. Только избавившись от Саблина и получив вместо него нормального помощника, Хохлов облегченно вздохнул.

Для самого же Саблина началась новая глава его жизни.

Глава третья

Тайна поступления в академию

Согласно биографии Саблина, в 1969 году с должности помощника командира сторожевого корабля он поступил в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Казалось бы, ну и что, ну служил, ну поступил!

Людям, далеким от реалий службы политработников ВМФ 70—80-х годов XX века, совершенно не понять, что за этими двумя строками о поступлении в академию кроется определенная тайна, которую Саблин не пожелал открыть даже на следствии.

Переводы строевых офицеров в политработники практиковалась в бытность начальником Главного Политического управления СА и ВМФ Ф.И. Голикова с 1958 по 1962 год. Когда же в 1962 году эту должность занял А.А. Епишев, количество таких переводов значительно сократилось, особенно с 1967 года после открытия сети видовых военно-политических училищ.

В конце 60-х годов руководством СССР было принято решение об усилении партийно-политической работы в Вооруженных силах и укреплении института политработников. В силу постановления ЦК КПСС от 21 января 1967 г. «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте» была создана сеть видовых военно-политических училищ, в том числе и мое родное Киевское высшее военно-морское политическое училище.

Но когда еще училища начнут поставлять флоту выпускников-лейтенантов! Поэтому одновременно с открытием политических училищ некоторое время практиковалось и пополнение рядов флотских политработников за счет офицеров других специальностей, проявивших склонность к воспитательному делу. Склонных к воспитательной работе офицеров рекомендовали к выдвижению на соответствующие должности политические отделы соединений. При этом таких офицеров вначале направляли на краткосрочные курсы, затем они назначались на низовые должности заместителей командиров подразделений по политической части, и только прослужив на этих должностях несколько лет и положительно себя зарекомендовав, они могли писать рапорты на поступление в военно-политическую академию. Таков был установленный и обязательный для всех порядок, но только не для Саблина.

Из автобиографии Саблина: «Наступил 1968 год. Пишу рапорт в академию. Комбриг капитан 1-го ранга Крылов пишет, что отказать, лучше использовать по строевой должности, по командной линии. Вызывали все начальники вплоть до начальника отдела кадров флота, предлагали хорошие должности, рисовали красивое будущее, удивленно разводили руками на мои вежливые отрицательные отказы. Вынужден был обратиться к члену военного совета за помощью, но он мне по телефону сказал, что пусть начальники решают. Пришлось писать письмо Гришанову. Вызвали в отдел кадров, долго пытали, что это я надумал менять профессию, но поверили, что люблю партийно-политическую работу. Документы ушли в академию, но через месяц сообщают, что отказ. Лечу в Москву, на два дня отпросился, беседу с начальником отдела кадров академии. Он отводит глаза в сторону, пытается доказать мне, что достаточно одного высшего образования. Начальник факультета адмирал Вырелкин меня обнадеживает, лети спокойно, говорит, домой, я все улажу. По дороге в отпуск заезжаю в академию, и адмирал мне спокойненько сообщает, что документы уже поздно подписывать. Начальник военно-политической академии сказал приезжать на следующий год. Он, конечно... Ему трудно представить, что год на корабле служить в должности помощника сложно и тяжело. И что еще один год потерян. Я скрипел зубами, но был бессилён. Пришлось еще год мучиться.

Только потом, случайно, в отделе кадров я узнал, что виновником отказа был начальник отдела кадров политуправления СФ капитан 1-го ранга Зайцев, т. е. бывший начпо, с которым мы ездили в Мурманск. Так спустя пять лет я ощутил партийную демократию в действии на себе.

На следующий год, в 1969 году, мне дали наконец “добро” поступать в академию. Но не на педагогический факультет, как я просил, а на военно-морской. Это было плохо, но выхода другого не было. Но даже на этом препятствия на моем пути в академию не закончились!»

Прокомментируем этот отрывок автобиографии нашего героя. Во-первых, политработники Северного флота, а с их подачи и кадровики ВПА, всеми силами не давали «добро» Саблину на поступление. Во главе этой своеобразной «антисаблинской» группировки стоял его бывший начальник политотдела капитан 1-го ранга Зайцев, как никто другой знавший гнилое нутро своего бывшего подчиненного. Именно он объяснил, кто такой Саблин, начальнику политуправления Северного флота, именно он вышел на связь с кадровиком академии и начальником военно-морского факультета. Не зря Саблин, узнав о роли Зайцева в своем непоступлении, не скрывает своей ненависти к нему. Еще бы, Зайцев был одним из немногих, кто раскусил Саблина, а потому был для него особо опасен.

Совершенно потрясающе звучит и следующая фраза: «...Служить в должности помощника сложно и тяжело. И что еще один год потерян. Я скрипел зубами, но был бессилен. Пришлось еще год мучиться».

Как говорят психологи, сколько ни старайся обмануть окружающих, все равно рано или поздно проговоришься. Так произошло в данном случае и с Саблиным. Фраза, сказанная им, потрясающая по своему цинизму. В ней весь Саблин. Да, служба корабельная не проста, а должность помощника командира особенно. Но ведь тебя никто на эту должность силком не гнал, ты сам на нее напросился! Но, как оказывается, вовсе не для того, чтобы честно служить и заниматься повседневными корабельными делами, а чтобы за счет этой должности решать свои тайные дела. Слова Саблина о службе помощником командира корабля полностью подтверждают сказанное о его службе командиром сторожевика Хохловым. Из фразы Саблина абсолютно ясно, что службой на корабле в данной должности он не то что тяготится, он ее истово ненавидит! Он не служит по призванию и по совести, как все остальные офицеры, а, проклиная все на свете, просто отбывает номер в ожидании решения своих проблем. Как говорит сам Саблин, он не служит, а мучается, а когда решение его вопроса сдвигается на год, и вовсе скрежещет зубами. Увы, пока Саблин бессилен, но если бы у него была в тот момент и сила и власть, уж он-то показал бы своим врагам, у кого они встали на дороге!

Что касается мечты Саблина о поступлении на педагогический факультет военно-политической академии, то начальники Саблина совершенно правильно поступили, не пустив его туда.

По словам Саблина, бесчисленные недруги воздвигали перед ним различные препоны. Начальство словно предчувствует, что перед ним будущий «государственный лидер» и «народный вождь», а потому делает все возможное и невозможное, чтобы любой ценой не пускать Саблина в политику. Кроме запретов и отговорок, нет избытка в лестных предложениях, хитрые начальники не скупаются в обещаниях гладкой и быстрой карьеры, если Саблин продолжит службу по командирской линии и перестанет заниматься политикой. «Вызывали все начальники, – горделиво сообщает он, – вплоть до начальника отдела кадров флота».

О том, что такие претензии появились у него именно в тот период, можно понять из письма Саблина родителям, датированного 10 октября 1975 года. В нем он писал, что прошедшие десять лет прошли в мучительных поисках «справедливости и общественной свободы... т. к. постоянно приходилось сдерживать свое возмущение существующими порядками и отказываться от волнующих теоретических споров, чтобы добиться нынешнего

положения, позволяющего выступить более или менее эффективно, то есть с позиций силы и экстремизма».

Непонятно только одно: если и впрямь воздвигались намеренно всевозможные препоны, то почему Саблину тогда столь легко предоставили возможность выехать в Москву, непосредственно в академию, чтобы решать там свои вопросы?

* * *

В отличие от общего управления кадров Министерства обороны, политработники имели свои собственные кадровые органы, вплоть до Главного политического управления. Это была своя «кухня», куда обычные кадровики не лезли. В иерархии «политработничьих» должностей была своя строгая иерархия. Так, нельзя было стать замполитом корабля 1-го ранга (атомная подводная лодка, ракетная подводная лодка, крейсер), не побывав в должности замполита корабля 2-го ранга (дизельная торпедная подводная лодка, эсминец). В свою очередь нельзя было стать замполитом корабля 2-го ранга, не пройдя должность замполита корабля 3-го ранга (малый ракетный корабль, малый противолодочный корабль, морской тральщик). Помимо этого политработнику желательно было пройти и какую-нибудь из должностей в политотделе соединения кораблей (оргинструктором, пропагандистом или хотя бы помощником по комсомольской работе). Для карьерного роста также было желательно послужить и где-нибудь вдалеке от цивилизации – на Севере, на Дальнем Востоке или на Камчатке. Все это учитывалось при назначениях на вышестоящую должность.

Особым камнем преткновения на карьерной лестнице являлась Военно-политическая академия имени В.И. Ленина. Только обучение в ней в большинстве случаев открывало дорогу на корабли 1-го ранга, и являлось обязательным условием для будущего назначения политработника на должность начальника политического отдела соединения кораблей.

Однако поступить в академию было весьма непросто. И дело было даже не в конкретных знаниях абитуриента и в показаниях медкомиссии. Писать рапорт о желании поступать в академию, получить на него «добро» высшего начальства, получить вызов для сдачи вступительных экзаменов можно было лишь с так называемых «академических должностей», т. е. с должностей, которые входили в особый перечень – это были должности не ниже замполитов кораблей 2-го ранга или замполитов дивизионов кораблей 3-го ранга. Помимо этого весьма строгое ограничение было и по возрасту. Но и это не все! Желающий учиться в академии политработник должен был послужить на своей «академической должности» не менее двух лет и иметь отличные показатели в вопросах боевой и политической подготовке, а также в дисциплине среди своих подчиненных, не говоря уже о каких-либо происшествиях.

Каждый год все флоты получали разнарядки для поступления в академию, число которых было весьма ограничено. После этого на флотах начинался отборочный конкурс: у кого из претендентов лучше прохождение службы, у кого лучшие результаты профессиональной деятельности. При этом все вышеназванные узаконенные положения выполнялись весьма строго, и обойти их было чрезвычайно сложно, так как за этим зорко следили «свои» кадровики.

Так что поступление в военно-политическую академию было делом достаточно сложным и хлопотливым, и добиться разрешения на поступление было весьма непросто даже для положительно зарекомендовавших себя на партийно-политическом поприще флотских политработников.

В 1988 году с должности заместителя командира 488-го дивизиона тральщиков Балтийского флота я поступил именно на педагогический факультет военно-политической академии, который успешно закончил в 1991 году. Поступать туда было очень сложно, так как факультет считался в академии самым престижным, ибо его выпускники направлялись на

должности преподавателей в военные училища. Учились при этом мы все вместе – и моряки, и летчики, и ракетчики, и общевойсковики, и десантники. Но распределялись все в училища своего профиля. На момент поступления в академию я уже прослужил на «академической» должности капитана 3-го ранга три года, имел медаль «За боевые заслуги» и написанный исторический роман «Чесма». Но желающих поступать в академию, и особенно на педфак, тоже хватало. При этом на весь Балтийский флот была заявка всего лишь на одного абитуриента. Поэтому шансов попасть на педфак у меня было немного. Помогло то, что именно в том году мы взяли приз Главнокомандующего по противоминной подготовке, а дивизион уже второй год объявлялся «отличным».

Думаю, что и в 1969 году на Северном флоте было немало достойных офицеров, желавших поступить на педагогический факультет и соответственно себя проявивших. О Саблине ничего этого сказать было нельзя. Если он и был чем-то известен на Северном флоте, то исключительно своими письмами и кляузми.

* * *

Что же мы видим в случае с Валерием Михайловичем Саблиным? А видим мы, на первый взгляд, совершенно невероятную картину! Заурядный помощник сторожевого корабля 3-го ранга Северного флота вдруг ни с того ни с сего изъявляет желание учиться в военно-политической академии. Сразу возникает два вопроса. Во-первых, на каком основании он вообще мог объявлять о своем желании учиться в академии, тогда как должность помощника корабля 3-го ранга никогда не являлась академической даже для поступления в военно-морскую академию? Чтобы поступить в военно-морскую академию (что было бы естественно для пошедшего служить по командной линии Саблина), он должен был стать командиром сторожевого корабля 3-го ранга, а еще лучше начальником штаба соответствующего дивизиона. Во-вторых, о каком поступлении в академию могла идти речь, когда Саблин не закончил даже командирских классов?

Но интрига еще круче – Саблин не желает идти в военно-морскую академию, а желает слушать лекции в академии военно-политической! И это – не прослужив ни одного дня политработником на корабле, не говоря уже о прохождении необходимой служебной лестницы, о которой мы уже говорили выше. Просто взял и возжелал!

Может быть, у Саблина были какие-то на это основания: особые заслуги, совершенные подвиги, или, наконец, боевые награды? Листая личное дело, убеждаешься, что ничего такого не было и в помине – обычный заурядный офицер со стандартными заурядными служебными характеристиками. Да и помощником Саблин был, прямо скажем, никудышным, так как даже не сдал на допуск к самостоятельному управлению кораблем, а, следовательно, полноценным помощником командиру так и не стал. Вообще-то на подготовку помощника (или старшего помощника на кораблях 1-го и 2-го ранга) к сдаче на допуск командования кораблям обычно отводится год. Если офицер за это время не сдал зачеты, можно ставить вопрос о его профнепригодности. К таким помощникам (или старшим помощникам) окружающие офицеры относятся с презрением. Что же касается командиров кораблей, то те стараются от этого «балласта» под любым предлогом избавиться. Командиру нужен полноценный заместитель, а не пассажир! Что касается Саблина, то на должности помощника командира сторожевого корабля 3-го ранга он прослужил несколько лет, но на допуск к самостоятельному управлению кораблем так и не сдал. Это значит, что он абсолютно не состоялся как корабельный офицер и является тем самым «балластом», к которому с презрением относятся корабельные офицеры. Тут не то что об академии думать надо, а готовиться к снятию и переводу на должность «с меньшим объемом работы».

Какая может быть политическая академия, когда Саблин не имеет никакого представления о профессиональной политработе, когда он не соответствует предъявляемым требованиям по занимаемой должности, да саму эту должность исполняет спустя рукава? Так что по всем статьям выходил Саблина от ворот поворот.

Но вдруг происходит нечто небывалое, и на Саблина снисходит божья благодать. Минуты десятки опытных офицеров-политработников, мечтающих об академии, перст Господень неожиданно указывает именно на никому не известного помощника СКР-33. И чудо свершается! Именно ему, а не какому-нибудь лодочному замполиту приходит вызов в Москву. Вы верите в чудеса? Я нет!

Так что же произошло, что не имевший никаких прав и шансов на поступление в академию Саблин внезапно оказался в ее стенах? Помочь в этом деле мог только какой-то благодетель. При этом благодетель должен был обладать огромной властью и огромными связями. Кто же он, этот таинственный ангел-хранитель будущего мятежника? Чтобы попытаться его найти, давайте проанализируем ситуацию, в которой оказался Саблин.

Итак, поняв, что ни по своей специальности, ни по командирской линии ему никакой карьеры не сделать, Саблин решает попробовать свои силы на ниве политической работы. Это в начале 70-х годов можно было сделать, просто попросив вышестоящее командование о своей переаттестации, поменять ВУС и, затем окончив трехмесячные политические курсы для переаттестованных офицеров, получить первичную должность офицера-политработника. Однако амбициозного Саблина такой вариант не устраивает. Зачем ему прозябать на первичных политико-воспитательных должностях! Если уж делать карьеру, то так, чтобы сразу в дамки!

Думаю, что не открою большого секрета, если скажу, что ВСЕ поступающие в академию офицеры всеми силами ищут перед поступлением каких-то влиятельных людей, которые помогли бы им в этом поступлении помочь. Так было, так есть, и так будет всегда. В таком положении дел нет ничего плохого, так как зачастую (по крайней мере, в советское время) начальники искренне помогали своим наиболее талантливым и толковым подчиненным сделать хорошую офицерскую карьеру. Но история поступления в академию Саблина явно не тот случай.

Дело в том, что у семьи Саблиных имеется человек, в силах которого помочь Валерию Саблину в его мечте. Это бывший сослуживец старшего Саблина по службе в архангельском учебном отряде тогдашний начальник Политического управления ВМФ адмирал Гришанов, человек весьма и весьма влиятельный.

Адмирал Василий Максимович Гришанов был личностью неординарной и достаточно сложной. Время его политической власти над ВМФ составило целую эпоху. Конечно, мне сложно в целом оценить столь серьезную фигуру, но мои личные встречи с Гришановым, а также некоторые факты его биографии не вызывают особого уважения к нему.

В официальной биографии адмирала говорится, что он являлся участником советско-финской и Великой Отечественной войн. Относительно участия Гришанова в финской войне в одном из изданий я встретил упоминание, что он был комиссаром отряда моряков-лыжников. Что касается участия Гришанова в Великой Отечественной войне, то всю войну он пробыл вначале комиссаром, а потом заместителем по политической части в кронштадтском, а затем в архангельском учебных отрядах. Конечно, учебные отряды выполняли в годы войны очень важную роль – готовили призывников к корабельной матросской службе, но все же это были самые что ни на есть тыловые части.

Ветераны ВМФ не раз рассказывали мне и об интригах Гришанова против Горшкова, о том, что Горшков крайне осторожно вел себя с начальником политуправления ВМФ.

Насколько вероятно, что именно Гришанов курировал Саблина в деле его поступления в академию? Вероятность эта достаточно велика. При этом помощь Гришанова могла состо-

яться лишь после обращения к нему Саблина-старшего. И Саблин, судя по всему, решает использовать предоставленный ему свыше шанс, иначе он рискует снова остаться без академии, как и в прошлом году. Рассчитав в начале 1969 года время подачи заявления в академию, время, необходимое на все согласования и решение вопроса, он берет отпуск и спешит в Горький. Там он посвящает в свои планы отца. В том, что отец был готов помочь сыну, сомнений быть не может, кто же откажет в помощи любимому дитяти, продолжателю семейной флотской династии! По просьбе сына отец связывается со своим бывшим сослуживцем, напоминает о былой дружбе и излагает свою нижайшую просьбу. Мы не знаем, ездил ли Саблин-старший к Гришанову в Москву, звонил ли по телефону или писал письмо. Это не принципиально. Главное, что Гришанов вспомнил давнего друга и пообещал «поступить» отпрыска в академию, минуя все препоны. Еще находясь в Горьком, младший Саблин уже знает, что его дело в шляпе и всесильный Гришанов уже нажал на нужные педали, отдав соответствующие распоряжения начальнику политуправления Северного флота контр-адмиралу Сизову и начальнику военно-морского факультета политической академии...

Теперь задача Саблина лишь пройти медкомиссию и не получить двоек на вступительных экзаменах. Впрочем, на экзаменах его тоже будет страховать уже извещенный обо всем начальник факультета.

Судя по всему, в последние дни отпуска в Горьком Саблин пребывал в полной эйфории от неслыханной удачи и поэтому потерял бдительность. Это едва не вышло ему боком...

Интересная особенность, но у Саблина среди сослуживцев никогда не было друзей. Да, он поддерживал хорошие отношения с братьями, но на службе предпочитал всегда оставаться в одиночестве. Возможно, боялся, что в какой-нибудь момент, расслабившись, может случайно проболтаться о своих великих планах и будет разоблачен. Впрочем, в Горьком он нарушил свой принцип осторожного отношения к людям и едва за это не поплатился.

Незадолго до возвращения на флот Саблин встретился в Горьком со своим бывшим школьным одноклассником Сергеем Родионовым. Приятель только что вышел из тюрьмы, где «мотал» срок за кражу. Встретившись, бывшие одноклассники крепко выпили, а затем подвыпивший Саблин пустился в откровения, неосторожно поведав Родионову о своей лютой ненависти к советской власти и о наполеоновских планах государственного переворота, о том, что и в военно-политическую академию он хочет поступить лишь для того, чтобы научиться, как бы легче захватывать власть в стране. По признанию самого Саблина, пьяная беседа между дружками продолжалась более двух часов. Вначале Родионов молча слушал своего собеседника, а потом, пораженный коварством и подлостью бывшего одноклассника, вступил с ним в ожесточенный спор, защищая советскую власть и обзывая Саблина предателем Родины и изменником. Встреча едва не закончилась дракой, и бывшие дружки расстались врагами.

Но на этом дело не закончилось. Потрясенный признаниями Саблина, Родионов на следующий день написал подробное письмо в адрес политического управления Северного флота, где честно изложил суть разговора с Саблиным и просил принять к нему соответствующие меры, пока Саблин не наделал больших бед. Отдадим должное гражданской позиции бывшего зэка Родионова.

Письмо из Горького легло на стол тогдашнему члену Военного совета Северного флота контр-адмиралу Сизову. Ситуации, в которой оказался Сизов, не позавидуешь. Буквально несколько дней назад ему поступило указание самого Гришанова, в нарушение всех существующих правил, отпустить помощника командира СКР-33 поступать в военно-политическую академию, из чего следовало, что помощник этот офицер весьма не простой. А тут письмо, в котором черным по белому говорится, что помощник командира СКР-33 хочет

поступать в академию только для того, чтобы потом произвести государственный переворот! Что в такой ситуации прикажете делать?

Если проявить принципиальность и не выполнить приказание Гришанова, то тот воспримет это как личную обиду, а ведь Сизов сам получил должность начальника политуправления благодаря протекции того же Гришанова, то есть сам ему многим обязан. А если все написанное в письме хотя бы в какой-то мере правда? И Сизов принимает поистине мудрое решение – гришановскому любимчику в поступлении не препятствовать, однако после окончания им академии обратно на свой флот уже не брать.

Пока же, по возвращении из отпуска, Саблин был немедленно вызван на ковер к Сизову.

Из рассказа самого Саблина: «Говоря о действительных целях моего поступления в академию, Родионов перестарался, написав наряду с тем, что я говорил ему в действительности, явно абсурдные, неумные и вымышленные обвинения, и мне не составило труда опровергнуть эти его утверждения и доказать Сизову необъективность и, более того, абсурдность написанного. Выслушав меня, Сизов, как я понял, поверил мне и сказал, чтобы я остерегался говорить с такими людьми, как Родионов, и пожелал мне успехов при поступлении в академию».

В словах Саблина сквозит явная гордость за то, что он так легко и просто обвел вокруг пальца самого члена Военного совета флота! Безусловно, при этом Саблин не забыл упомянуть, что его обвинитель только что вернулся из зоны, а потому из зависти к более успешному однокласснику и написал сей мерзкий пасквиль.

В своей автобиографии он описывает свою встречу с контр-адмиралом Сизовым несколько иначе: «...Вдруг за 12 дней до выезда в военно-политическую академию для сдачи экзаменов меня вызывает член военного совета Северного флота контр-адмирал Сизов и начинает пытаться о целях поступления в академию, о моих взглядах на жизнь и т. д. Потом достает из ящика письмо и сообщает, что некий друг из Горького предупреждает, что Саблин не тот, за кого себя выдает, и что он якобы готовит государственный переворот. Была в этом письме и лестная для меня фраза, что, дескать, я очень настойчив в достижении цели. Письмо было написано очень грубо, зло, неубедительно. А кроме того Родионов сам был с подмоченной репутацией, и поэтому поверили мне. Но мне кажется, поверили так, скрепя сердце. Так я попал в академию...»

Здесь Саблин менее категоричен, что ему удалось обмануть контр-адмирала Сизова. Он чувствует, что тот в душе не хотел направлять Саблина в академию, но в итоге все же отпускает. Уж не после ли звонка из Москвы?

Что же до освободившегося зэка Родионова, то он оказался в тысячу раз прозорливее всех саблинских начальников и особистов, совершенно четко и правильно сформулировав цель поступления Саблина в стены академии им. Ленина как подготовку к государственному перевороту. Время показало, что Родионов был совершенно прав в своих предположениях.

Что касается контр-адмирала Сизова, то назвать его вдумчивым и прозорливым начальником в данном случае трудно. Впрочем, кому мог больше верить контр-адмирал – неизвестному горьковскому зэку или молодому офицеру с преданным открытым взором, да к тому же еще сыну известному по былым годам командиру учебного отряда, а также человеку, вхожему в семью члена Военного совета ВМФ адмирала Гришанова?

Формально Сизов свою задачу выполнил – на письмо оперативно прореагировал, офицера на беседу к себе вызвал, да и внушение сделал, что с подозрительными лицами пить впредь не стоит. История с письмом Родионова послужила Саблину серьезным уроком, и более он таких промашек уже никогда не допускал.

Из воспоминаний одноклассника Саблина по учебе в военно-политической академии контр-адмирала в отставке Э.М. Чухраева: «Сейчас с высоты прожитых лет я должен сказать,

что в то время отбор в военно-политическую академию был достаточно случаен. По задумке выпускники академии должны были вырастать в крупных профессионалов, но так получалось далеко не всегда. Зачастую в слушатели принимали достаточно случайных людей, не способных профессионально заниматься профессией и занимать серьезные должности. Достаточно случайно попал в академию и Валера. Мне даже сейчас сложно понять, как это могло произойти, ведь он ни одного дня до академии не был на партийно-политической работе, не имел о ней никакого представления, а мог судить о ней лишь по работе других замполитов. Но это ведь тоже самое, что учиться вождению на машине, сидя рядом с водителем... Надо ли было принимать такого человека сразу в академию, – для меня и сейчас большой вопрос. Я, кстати, тоже закончил не политическое, а строевое училище – ВВМУ им. Нахимова, как ракетчик, но к моменту поступления в ВПА успел уже прослужить на партийно-политической работе в трех должностях, а поэтому я поступал с твердым пониманием того, какие знания и для чего мне их надо в академии получить. С какой мотивацией и для чего вообще поступал в академию Валера, мне и сегодня непонятно».

О том, что знал школьный одноклассник Саблина Сергей Родионов и не знал его одноклассник по военно-политической академии Э.М. Чухраев, сам Саблин с полной откровенностью признается на допросе 22 декабря 1975 года: «Я поступил в военно-политическую академию вовсе не для того, чтобы стать политработником, а для того, чтобы получить необходимые политические знания, так как, получив знания, смогу бороться с властью».

Что ж, Саблин открыто признает, что решил учиться в политической академии исключительно для того, чтобы осуществить свержение существующей власти и самому стать главой нового «коммунистического государства».

Глава четвертая

Учеба в военно-политической академии

В свое время, учась в Военно-политической академии им. Ленина, я старался навести справки о Саблине у старых преподавателей, ведь со времени его обучения в стенах нашей общей «альма-матер» прошло не так уж много времени – всего каких-то полтора десятка лет. Однако о Саблине все старались не говорить. Кое-что рассказал лишь начальник военно-морской кафедры контр-адмирал Г.Г. Костев.

Я часто ловил тогда себя на мысли, что я сижу в тех же аудиториях, где сидел и Саблин, слушаю лекции тех же преподавателей, беру те же книги в той же библиотеки, живу в том же офицерском общежитии и даже, занимаясь физкультурой, бегаю по тому же традиционному для слушателей ВПА маршруту вокруг Лебединского пруда (т. н. «Лебединки»), что напротив Новодевичьего монастыря. При этом никаких следов пребывания Саблина в стенах прославленной академии не осталось. Причем это произошло вовсе не потому, что кто-то запрещал преподавателям рассказывать нам о Саблине, ведь на дворе шел уже 1990 год. Дело в ином, имя Саблина в этих стенах было просто предано забвению как человека, предавшего не только Родину и изменившего присяге, но и как человека, бросившего тень на профессию офицера-воспитателя. Да, потом, в годы перестройки появится целая плеяда политработников-перевертышей: Волкогонов, Юшенков и другие, но именно Саблин был среди них самым первым.

Сегодня наши либералы пытаются представить нам Саблина как душу-человека. В их версии он благороден и искренен, бескорыстен и доброжелателен, отзывчив и сострадателен. Он всегда готов прийти первому встречному на помощь и отдать ему последнюю рубашку. Немецкий журналист Л. Шер вообще придумал, что сокурсники Саблина по академии якобы так любили его, что называли не иначе, как «совесть курса». Однако автобиография Саблина говорит об обратном. Практически ни об одном человеке Саблин не находит хороших слов. Все окружавшие его – это отъявленные карьеристы, подлецы, идиоты и в лучшем случае просто трусы. К примеру, о тех же сокурсниках по академии (которые якобы именовали его «совестью курса») он отзывался так: «Я никогда не был высокого мнения о политработниках послевоенного времени, так как они, как правило, очень недалекие в рассуждениях, много думают о личном благе, мало о деле (о каком деле думал Саблин, мы с вами знаем. – В.Ш.), бездельники и болтуны, иногда очень красивые болтуны, и они, как правило, не пользуются авторитетом среди личного состава. Учеба в академии утвердила меня, мое мнение в том. Окружение было очень плохое. Постоянные интриги, споры между собой, стремление выслужиться перед начальниками, склоки. Это было в основе. Хотя было человек десять, которые были порядочными, в определенных пределах товарищами (что такое «товарищ в определенных пределах», сказать не берусь. – В.Ш.). Начальник факультета адмирал Вырелкин поощрял такую обстановку среди слушателей, не терпел противоречащих, но умел очень возвышенно говорить о партийной принципиальности... Я, естественно, побаивался выходить на беседы с такими вопросами, так как можно было далеко зайти в споре и в итоге выйти из академии...»

Ну неужели за все четыре года обучения в академии там ему не встретился ни один порядочный человек? Впрочем, у Саблина так всегда – все вокруг в дерьме, и только он в белом. Комментировать вышеприведенные саблинские пассажи даже не хочется. Изложенное Саблиным не просто тенденциозно, но и отвратительно своей ложью. И злободневные вопросы в академии на занятиях не воспрещалось задавать, и ребята у нас учились замечательные. В мою пору это были прежде всего офицеры, прошедшие Афганистан и Черно-

быль, да и остальные были не хуже. Уверен, что и десятью годами раньше при Саблине офицеры в академии тоже были вполне достойными.

В Главном штабе ВМФ мы беседуем с контр-адмиралом в отставке Эдуардом Максимовичем Чухраевым. Вспоминая Саблина, с которым он четыре года проучился в академии, Чухраев называет его так же, как называл сорок лет назад – Валерой. В воспоминаниях Чухраева об однокашнике нет ни ненависти, ни злости. Наоборот, Саблина он вспоминает с определенной теплотой. Только когда речь заходит о самом мятеже, Чухраев оценивает поведение Саблина крайне негативно. Судьба самого Чухраева сложилась вполне удачно. Службу он завершил в 1991 году заместителем начальника политического управления Тихоокеанского флота, не пожелав служить тем, кто разрушил Советский Союз. Из воспоминаний контр-адмирала в отставке Э.М. Чухраева: «С Валерой мы проучились вместе с 1969 по 1973 год. Жили также в одном офицерском общежитии на Пироговке. Не скажу, что мы были с ним друзьями, но отношения между нами были достаточно хорошие. На курсе нас учило 20 человек, и за четыре года мы достаточно хорошо изучили друг друга. Относительно Валеры, скажу, что он был мыслящим, рассудительным и неординарным человеком. Валера привлекал к себе оригинальностью мыслей, способностью к анализу, неплохо знал историю. Особую любовь он имел к философии и больше всего контактировал с преподавателями этой кафедры. Был прекрасным семьянином и, хотя ничего человеческого не было ему чуждо, очень заботился о своей супруге и сыне. Был спортивен. Мы вдвоем с ним после 1-го курса проходили практику на Камчатской флотилии АПЛ. Два месяца жили вместе на ПКЗ, все вечера проводили вместе, беседуя на разные темы. По возрасту Валера был значительно старше меня. По натуре Валера был человеком самостоятельным. Выглядел солидно, основательно. Хорошие ровные отношения у него были со всеми, но близких друзей не было, т. к. держался всегда несколько особняком. При этом я не помню случая, чтобы даже в какой-то частной беседе он говорил какую-нибудь антисоветчину.

Курс у нас был хороший и дружный. Друг друга мы понимали отлично. Никаких недоумений между нами никогда не было. Часто всем курсом, вместе с женами мы посещали различные спектакли, концерты, выставки, музеи, стараясь как можно больше взять для себя за время учебы в Москве. Сообща отмечали дни рождений и получение очередных воинских званий. На последних мероприятиях, которые обычно проводили мужским коллективом, Валера бывал редко, отнекиваясь под разными предлогами. Семинары по партийно-политической работе у нас вел опытный вице-адмирал А.В. Комаров (с 1955 по 1958 год он занимал должность начальника ПУ ВМФ). При этом Комаров был достаточно демократичным, в тех рамках, которые были тогда возможны. Он разрешал нам открыто высказывать свои мысли относительно внешней и внутренней политики государства, организации ППР. Семинары были очень интересными, и мы на них всегда много спорили. Валера на них часто выступал со своими своеобразными, но всегда самостоятельными взглядами. Никто его за это никогда не одергивал, наоборот, подобные выступления часто перерастали в оживленные дискуссии, в которых самое активное участие принимал и вице-адмирал Комаров».

Слушал я Чухраева и диву давался, вот ведь и ребята хорошие вокруг Саблина учились, и преподаватели более чем достойные были, да и к самому нему до сих пор бывший однокашник относится с какой-то нежной печалью, как к заблудшему товарищу. Почему же тогда Саблин всех смешал с грязью – и родную академию, и своих сокурсников, и своих учителей? Откуда эта черная неблагодарность и лютая злоба?

Вспоминает контр-адмирал в отставке В.Т. Лосиков: «Начальником факультета в ВПА был контр-адмирал Павел Иванович Вырелкин, сосланный туда с должности старшего инспектора ГлавПура за излишнюю самостоятельность и превышение полномочий. Человек Вырелкин был твердый, партийный. Хорошо зная его, я могу сказать, что никаких интриг, склок между слушателями он никогда бы не устраивал, не та была личность, и не его это был

масштаб – стравливать между собой мальчишек-слушателей. Поэтому я твердо убежден, что все, что написал о Вырелкине Саблин – чистая ложь».

Из автобиографии Саблина: «В академии очень издевались над всем учением марксизма-ленинизма, особенно над именем Ленина, выставляя его, где надо и где не надо, рисуясь знанием цитат, списывая конспекты с бессмертными работами Ленина, изучая его мысли по учебникам. Только вот по одному всему этому (так в тексте. – В.Ш.) можно было рассказать такой целый обличительный документ о партийно-политической работе в Вооруженных Силах (так в тексте. – В.Ш.). Изучение марксизма-ленинизма и других обычаев наук (так в тексте. – В.Ш.) организовано на уровне, на очень низком уровне... Все, что касается социализма, преподается не научно, поверхностно и в ряде случаев извращенно.

Умные преподаватели уходят от ответа, а грубые начинают кричать, сыпать не к месту цитатами, что не место в академии с такими вопросами. Я, естественно, побаивался выходить на беседы с такими вопросами, т. к. можно было далеко зайти в споре и в итоге выйти из академии. А внутри, вообще-то, при каждой такой, при слушании таких лекций все горело, хотелось выступить в спор, искать истину, прижимать к стене в споре преподавателей по ряду вопросов».

Данный абзац скорее напоминает политический донос в духе 1937 года, а не часть биографии нормального человека.

В 1989 году нас, слушателей исторического отделения педагогического факультета, привлекли для оказания в помощи изучения расстрельных дел преподавателей и слушателей Военно-политической академии им. Толмачева на предмет их реабилитации по известному в свое время т. н. «толмачевскому делу». Мы просматривали дела, которые были свезены их архива КГБ к нам в академию, и делали из них необходимые выписки для ускорения работы. Помню, что среди самых отъявленных доносчиков оказался и отец известного демократического историка Роя Медведева, который десятками сдавал НКВД своих сослуживцев по самым ничтожным поводам. Впрочем, в конце концов, нашелся и тот, кто опередил его и написал донос и на самого доносчика... К чему я говорю, да к тому, что доносы, фигурировавшие в расстрельных делах, как две капли воды похожи на саблинскую писанину. Не хватает лишь конкретных имен, чтобы и преподавателей, и слушателей можно было эшелонами отправлять в лагеря.

Если вы думаете, что это все, то ошибаетесь!

Стучит, стучит «комсомольское» сердце у правдолюбца Саблина, и он продолжает резать «правду-матку» в своей автобиографии: «К сожалению, большинство, да почти всех слушателей, будущих политработников это (формальное отношение к марксизму-ленинизму. – В.Ш.) удовлетворяло, все с радостью брали и бойко отвечали то, что им говорят на семинарах. Да, собственно, и я отвечал, что было делать? Тоже все брал на веру. Академия меня еще больше убедила в том, что мы гнием изнутри. Даже для политработников не свято ученье марксизма-ленинизма. Оно для них как бы лопата, которой они копают свой огород личного счастья. Это ужасно. Говорят красивые фразы о партии, о любви к Родине, о долге и тут же рассказывают пошлые политические анекдоты, планируют, как лучше устроиться после академии. Именно устроиться, а не пойти служить где нужнее. Это видят, знают, чувствуют, я считаю, преподаватели, начальники всех степеней, но никого не волнует это зло. Все делают вид, что так и должно быть. И мне пришлось подстраиваться под общую массу, периодически вскипая, споря, утихать, боясь зайти далеко в спорах в этой борьбе за справедливость.

Что полезного в академии, то, что я там добросовестно изучил работы, имел возможность изучить работы Ленина, Маркса, Энгельса. Изучая их, я все больше склонился к мысли, что революционность марксистско-ленинского учения где-то оставлено далеко

нашими теоретиками, как памятник старины, где-то в начале движения по пути к коммунизму, где-то в 30-х годах...

На втором курсе я зашел в тупик. С одной стороны, окрепло убеждение еще больше, что многое не так, что по моим вопросам мы отошли от учения Ленина, а с другой стороны, не имеем никаких материалов для научной работы в этой области, и поэтому невозможно ответить на этот вопрос как надо. И в Ленинской библиотеке много времени проводил. Но там тоже ограниченные материалы. В поисках истины я ушел к философским вопросам такого широкого плана и посвятил им весь третий курс и начало четвертого. Для меня понятие человечество стало более осязаемым, широким понятием. Философия помогла мне затвердиться в мыслях революционеров, причем на такой научной основе. Понял глубоко, как говорится, нутром диалектику».

После прочтения столь корявых и безграмотных фраз говорить о Саблине как об интеллектуале просто смешно!

За годы, прожитые в Москве, не нашлось у Саблина абсолютно никаких хороших воспоминаний ни о Москве, ни о москвичах. «К сожалению, – сетовал он, – в Москве я не видел щели хотя бы, в которую можно было высунуть голову, чтобы подышать свежим воздухом свободной мысли, чтобы где-то можно было высказывать свои мысли, поговорить. Были попытки найти мыслящих людей вне академии. Год я вел группу партшколы на заводе “Динамо”, пытался вызвать на откровенность некоторых рабочих. Но что они – критикуют начальство заводское, порядки, но не более... Стал членом общества “Знание” от Краснопресненского райкома партии, ездил с лекциями по Москве... Чувствовал... когда читал лекции, отчуждение аудитории, когда говорил о цифрах пятилетки, призывах партии... Была встреча у меня с начальником цеха завода “Динамо” в домашней обстановке. Оказался мелким человеком... Пытался встретиться с поэтом Евтушенко. Мне нравится его гражданственная стихия. Но он также уклонился от встречи, так как собирался улетать в Японию...»

Замечу, что Саблин в данном случае недоговаривает самого главного. И группы партшколы на предприятиях, и особенно лекции в обществе «Знание» в советское время оплачивались, причем весьма неплохо. Именно поэтому слушатели военно-политической академии всегда с удовольствием занимались этими делами. Получал, разумеется, деньги за свои выступления и Саблин. При этом, по его же признанию, оратором он оказался никудышным и аудиторию заинтересовать не умел. Что касается начальника цеха, которого Саблин обозвал «мелким человеком», то тот, скорее всего, просто послал Саблина куда подальше, когда тот начал излагать свои бредовые политические взгляды.

Вообще в данном случае Саблин, особо не стесняясь, раскрывает себя в данном абзаце как самый настоящий диссидент. Это им, детям хрущевской оттепели, поклонникам западной культуры и слушателям «Голоса Америки», так же как Саблину, не хватало «свежего воздуха свободной мысли». Именно этих людей и ищет Саблин вне стен академии. Именно они, по разумению Саблина, и есть самые «мыслящие». Именно поэтому он названивает Гангнусу-Евтушенко, но тот, умудренный опытом, посылает Саблина куда подальше.

Генерал-майор Борискин по этому поводу пишет: «Что ж, поэт Евтушенко может гордиться тем, что своей последовательной “гражданственной стихией” повлиял на формирование такого “бескорыстного” революционного характера, какой “выковал” в себе Саблин. В материалах уголовного дела последнего хранится немало выписанных саблинскою рукою евтушенковских поэтических строчек. Поскольку Евтушенко, как уже отмечал “Военно-исторический журнал”, чаще всего придерживается тех лозунгов, благоволил тем героям, которые в моде, то, возможно, огорчится, что в свое время “уклонился от встречи” с вошедшей нынче в моду личностью. Хотя наряду с другими “младодемократами” может утешиться тем, что Саблин все-таки готовил “коммунистическую революцию”, а это, увы, уже не модно. Если же, основываясь на материалах следствия и суда по делу Саблина, скажу,

что Саблин свои преступные действия только прикрывал коммунистическим призывом, а на самом деле готовил себя в военные диктаторы, вроде генерала Корнилова или адмирала Колчака, то Евтушенко, надо понимать, и вовсе обрадуется. И действительно, как можно было поддержать человека, который, по мнению многих свидетелей, хотя и придерживался тактики академика Сахарова, но не разделял его взглядов».

* * *

Очередное (и свое последнее) воинское звание капитана 3-го ранга Саблин получает в академии 11 декабря 1971 года приказом министра обороны № 195.

Из автобиографии Саблина: «...Что делать дальше? Кончается академия, а решения так и нет никакого, что делать дальше. Есть только глубокое убеждение в том, что надо все ломать, надо менять существующее положение дел, глубокое убеждение в правоте своей. Идти в адъюнктуру, писать научные работы кем-то узко направленного, конкретного содержания, опять же без мыслей собственных, без критического анализа существующего положения дел. На это я, конечно, не мог идти. Идти на атомную подводную лодку, как говорили товарищи по академии, заколачивать деньги, тоже не для этого я шел в академию... Морально я задыхался в Москве. К сожалению, даже те друзья, с которыми когда-то было интересно говорить о политике, как-то морально сдали под давлением обыденных домашних забот и потребностей. Напряженно и долго думая о дальнейших действиях, принял решение кончать с теорией и становиться практиком. Понял, что нужна какая-то трибуна, с которой можно было бы начать высказывать свободные мысли о необходимости изменения существующего положения дел».

Во время допросов он свое нежелание заниматься научной работы сформулировал несколько иначе: «Во время обучения в академии у меня сначала была мысль заняться научной деятельностью, написать научный труд критического содержания и выступить с ним в печати. Однако чем дальше я находился в академии и знакомился с обстановкой в Москве, тем больше понимал, что сделать это невозможно».

Вернемся снова к автобиографии нашего героя: «Я глубоко убежден, что есть очень много людей, которые поддержат и желают изменить существующее положение дел и присоединятся, тоже выйдут на эту трибуну. Лучше надводного корабля, я думаю, такой трибуны не найдешь, а из морей лучшее всего Балтийское, т. к. в центре Европы. Прошусь на корабль на Балтику. Удовлетворяют просьбу, т. к. диплом с отличием. В данном случае мне не хватило смелости сказать о своем решении жене, слишком суровое решение для семейной жизни, и я ее просто пожалел, узнает сама, когда будет срок. Пусть думает, что я решил в корабельных условиях продолжить научные поиски на уровне философских категорий. Такое же объяснение получили все мои друзья и родители... некоторые из них считают, что наконец-то Саблин утих, остепенился. Пусть думают так».

Вообще, честно говоря, я совершенно не понимаю, что значит формулировка – «продолжить в корабельных условиях научные поиски на уровне философских категорий». И как эта откровенная ахинея могла успокоить окружение Саблина? Не идиоты же все они были? Скорее всего, такое определение Саблиным его служебных приоритетов должно было, наоборот, всех насторожить, ведь то, что он объявил своей семье и знакомым – это полный бред. Покажите мне хотя бы одного офицера, который шел служить на корабль лишь затем, чтобы осуществлять там «научные поиски на уровне философских категорий»? За тридцать пять лет своей службы в ВМФ я о таком чуде слыхом не слыхивал. То же самое могут сказать и все мои многочисленные знакомые флотские офицеры. Впрочем, и сам Саблин, как мы знаем, на самом деле вовсе не пытался ставить на корабле неведомые философские эксперименты. Он честно признается, что таким образом лишь задуривал головы

доверчивых слушателей. А что, звучит действительно премудро! Услышавший такую заумь наивный слушатель невольно думал, а может, и вправду Саблин такой ученый человечеще, эго ведь наукой ворочает, не то что я, грешный!

Аттестация В.М. Саблина по окончании академии: «На учебу принят с должности помощника командира сторожевого корабля Северного флота. Аттестован, в целом, положительно. Отмеченные недостатки в характере полностью не устранил. На партийно-политической работе не был, но проявил желание стать политработником. В академии зарекомендовал себя дисциплинированным, собранным, организованным, политически развитым, в военно-морском отношении подготовленным, идейно выдержанным, морально устойчивым, бдительным, честным, правдивым, знающим корабельную службу, мыслящим офицером.

К учебе относится добросовестно, учился хорошо и отлично. На семинарах, занятиях и экзаменах показывал глубокие знания предметов, умение четко выражать свои мысли устно и письменно, с классовых позиций оценивать события и явления общественной жизни, теоретические знания стремился закрепить на практике. Командную стажировку и морскую практику проходил на подводных лодках Северного и Тихоокеанского флотов, сдал зачеты на вахтенного офицера, освоил обязанности старшего помощника командира корабля. Приобрел значительные навыки работы в качестве заместителя командира корабля по политической части. Партийно-политическую стажировку проходил на атомной подводной лодке, выполнял обязанности заместителя командира лодки по политической части. Отзывы положительные.

В процессе учебы принимал участие в партийной и общественной работе. Находился в составе партийного бюро курса, был членом партийного комитета факультета, председателем кружка военно-научного общества. По партийно-политической работе руководил группой политпросвещения рабочих на заводе «Динамо», состоял в обществе «Знание», выступал с лекциями на предприятиях. Поручения выполнял со знанием дела, аккуратно.

Физически развит, спортсмен-разрядник по волейболу. Здоровье удовлетворительное. Морскими качествами владеет, желает служить на надводных кораблях.

Характер волевой, горячий, вспыльчивый, недостаточно уравновешен и обидчив. Внешне подтянут. Военские уставы знает. Государственные экзамены сдал:

Тактика военно-морского флота – «отлично».

Научный коммунизм – «отлично».

Партийно-политическая работа – «отлично».

Подготовлен для службы на кораблях. По деловым и политическим качествам, складу мышления и опыту службы больше склонен к организационной работе, но обладает, однако, и пропагандистскими способностями.

Вывод: достоин назначения на должность заместителя командира по политической части большого противолодочного корабля.

Начальник военно-морского факультета контр-адмирал П. Вырелкин. 25.04.1973 г.».

И это тот самый контр-адмирал Вырелкин, которого в своей автобиографии Саблин с ног до головы облил помоями...

Служебные характеристики вообще отличаются своей безликостью и в большинстве своем похожи как близнецы-братья. О самом главном там обычно пишут как бы между строк. Так и в характеристике Саблина его начальник однозначно говорит о больном самолюбии своего подчиненного – «вспыльчивый, недостаточно уравновешен и обидчив». Сказано почти иносказательно, но ведь сказано!

Неизвестно, кто первым пустил из журналистов «утку» о том, что Саблин якобы закончил академию с золотой медалью, а потому его имя было выбито на доске лучших выпускников, поэтому впоследствии эту доску пришлось снять, чтобы изъять с нее имя мятежного

выпускника. На самом деле никто по выпуску из академии золотой медали Саблину не вручал, и поэтому его имя никогда не значилось на академической доске Почета. Саблин закончил академию на самом деле неплохо – «с отличием», однако с таким же результатом ее ежегодно заканчивало не менее полутора сотен офицеров различных факультетов. Поэтому ничего сверхвыдающегося в этом факте я не вижу.

Итак, военно-политическая академия осталась позади, и в жизни Саблина наступал самый решающий момент – назначения на корабль, который должен был стать «трибуной» новой революции, которую Саблин назвал коммунистической.

Глава пятая Служба на БПК «Сторожевой»

После окончания академии 29 июня 1973 года капитан 3-го ранга Саблин получает назначение заместителем командира по политической части на большой противолодочный корабль «Бдительный» 128-й бригады 12-й дивизии ракетных кораблей Балтийского флота. БПК «Бдительный» был кораблем с хорошими боевыми традициями. Летом 1972 года, находясь в зоне военных действий при несении боевой службы на Средиземном море, «Бдительный» успешно выполнил задачу по оказанию помощи вооружённым силам Египта и Сирии.

Но служба Саблина на «Бдительном» не сложилась. Пока он гулял свой послеакадемический отпуск, в 128-й бригаде произошло небольшое «ЧП» – пропился и был снят с должности заместитель командира по политической части новейшего большого противолодочного корабля «Сторожевой» капитан-лейтенант Подрайкин, а потому по прибытии в Балтийск 13 августа 1973 года Саблин был назначен на «Сторожевой».

Как знать, не попадись на пьянке заместитель командира по политчасти «Сторожевого» и получи тогда назначение Саблин на «Бдительный», то, может, вся последующая история сложилась бы совсем иначе. Но все произошло так, как произошло.

Корабль, на который получил назначение выпускник военно-политической академии Саблин, принадлежал к новейшей серии кораблей проекта 1135.

Корабли этого проекта предназначались для обеспечения противолодочной и противовоздушной обороны соединений кораблей и поиска подводных лодок противника в открытых морских районах.

Из всех послевоенных проектов наших кораблей именно корабли проекта 1135 являются не только одними из самых удачных, но и одними из самых красивых. По ходившей среди наших моряков легенде, американцы якобы звали их за характерный свист турбин «поющими фрегатами». Согласитесь, чтобы заслужить столь романтическое прозвище у вероятного противника, надо было произвести на него особое впечатление! В том, что так именно и было, у меня нет никаких сомнений. Внешне 1135-е выделялись своим удлиненным полубаком, округлыми обводами и устремленным вперед острым клиперским форштевнем. Корабль был не только надежен и мореходен, но и отлично управляем, а также имел хорошие бытовые условия.

«Сторожевой» был пятым по счету кораблем в серии БПК проекта 1135. Главнокомандующий ВМФ СССР С.Г. Горшков к кораблям этого проекта относился с особенной любовью, согласно его планов, серия 1135-х должна была насчитывать до 50–60 единиц, составив основу противолодочных сил на всех флотах.

На этих кораблях наши моряки любили служить, и, наверное, не найдется ни одного бывшего командира 1135-го, который бы не считал годы, проведенные на мостике этого корабля, лучшими в своей жизни. В КБ конструкторы именовали этот проект кораблей шифром «Буревестник».

Как великая океанская птица, в честь которой он был назван, «Буревестник» действительно был всегда устремлен вперед, готовый по первому приказу сорваться с места и мчаться сквозь шторма и ураганы. Еще одна легенда гласит, что столь красивым корабль получился именно потому, что его проектировала женщина-конструктор. Совершенство форм 1135-х соответствовало и оптимальности их конструкции, а потому не случайно, что даже спустя сорок лет после ввода в строй первого «Буревестника» на российских стапелях все еще строятся его младшие модернизированные братья. Подобного в практике отечественного кораблестроения еще не было, но именно этот факт является лучшим подтверждением совершенства конструкции этих кораблей.

Отметим, что сторожевыми кораблями «Буревестники» стали именоваться лишь с 1977 года. До этого времени по принятой в ВМФ СССР классификации они именовались большими противолодочными кораблями (БПК), поэтому и в нашем расследовании мы будем причислять «Сторожевой» именно к этому классу кораблей. Любопытно, что уже в постсоветское время 1135 снова сменил класс и ныне именуется уже фрегатом. Это тоже уникальный случай. Что касается натовцев, то они присвоили нашему «Буревестнику» свое собственное наименование – «Кривак». Почему «Кривак»? А кто их знает, натовцы они и есть натовцы!

Строился «Сторожевой» в Калининграде на судостроительном заводе «Янтарь» (бывшие знаменитые немецкие верфи «Шихау»).

При полном водоизмещении в 3200 тонн корабль имел две газотурбинных установки по 17 тысяч лошадиных сил. При форсажном режиме эти установки повышали мощность еще на 6 тысяч лошадиных сил, что обеспечивало кораблю максимальную скорость в 32 узла с дальностью плавания в 1300 миль. На экономическом ходу в 14 узлов корабль мог пройти и все 5000 миль.

Объект № 155 (так в технической документации завода именовался будущий «Сторожевой») был заложен 20 июля 1972 года, спущен на воду 21 марта 1973 года, официально вступил в строй 30 декабря 1973 года. 7 декабря 1973 года на корабле был поднят военноморской флаг и «Сторожевой» был включен в состав Балтийского флота. Тогда же в несекретной переписке он получил наименование в/ч 49358.

Навигационную безопасность нового корабля обеспечивали РЛС «Дон-2» и «Волга». Как и все корабли советского ВМФ, БПК проекта 1135 были максимально насыщены оружием. Главным ударным комплексом явился противолодочный ракетный комплекс УРПК-4 «Метель» с четырьмя управляемыми ракетами 85Р. На 1975 год и ракетный комплекс, и сами ракеты были самыми современными. При дальности стрельбы на 50 километров каждая из ракет могла нести ядерный заряд в 5 килотонн. Кроме этого для поражения подводных лодок имелись два 4-трубных 533-мм торпедных аппарата и две установки реактивных глубинных бомб РБУ-6000. Для обнаружения подводных лодок противника на корабле имелись подкильная гидроакустическая МГ-332 «Титан-2» и буксируемая гидроакустическая станция МГ-325 «Вега». Противовоздушную защиту корабля составляли радиолокационная станция обнаружения воздушных целей МР-310 «Ангара», две спаренные пусковые установки новейшего зенитного ракетного комплекса самообороны «Оса» и две двуствольные 76-мм универсальные артиллерийские установки АК-726 с радиолокационной станцией управления огнем «Муссон». Помимо этого корабли проекта 1135 могли брать на борт два десятка мин.

Экипаж кораблей 1135 проекта по штату составлял 197 человек, в том числе 23 офицера, 27 старшин и 147 матросов. Что и говорить, служить на столь совершенном и новейшем корабле было в то время не только почетно, но и престижно.

По своим тактико-техническим данным «Буревестники» значительно превосходили тогдашние наиболее массовые американские фрегаты США типа «Нокс» и вполне соответствовали наиболее современным и перспективным новейшим американским многоцелевым фрегатом УРО типа «Оливер Х. Перри».

* * *

Несмотря на то что Саблин попал на Балтийский флот, на котором до этого никогда не служил, он попал служить в весьма комфортные условия. Во-первых, командир «Сторожевого» капитан 2-го ранга Потульный был, как и Саблин, выпускником ВВУ им. Фрунзе, которое окончил всего двумя годами ранее, причем тот же артиллерийский факультет, что

и Саблин. Оба они знали друг друга еще в училище, а потому отношение командира к новому заму с первых дней было почти приятельское. Командиром 12-й дивизии надводных кораблей, в состав которой входил «Сторожевой», являлся капитан 1-го ранга Селиванов, не только одноклассник Потульного по училищу, но и бывший старшина роты, в которой учился курсант Саблин. Оба они тоже неплохо знали друг друга. И, наконец, заместителем командира 128-й бригады противолодочных кораблей (в состав которой входил «Сторожевой») был назначен одноклассник Саблина по военно-политической академии капитан 2-го ранга Попов. В столь доброжелательном окружении однокашников служить замполиту «Сторожевого» было не столь уж и тяжело.

Из воспоминаний вице-адмирала А.И. Корниенко: «Отношения (между командиром и замполитом «Сторожевого». – В.Ш.) были нормальные, чисто служебные. Будучи по натуре скрытным человеком, Саблин держался официально, не был откровенен. Хотя, подчеркиваю, с командиром у них были дружеские отношения. На концертах самодеятельности корабля они часто пели дуэтом». Однако пройдет совсем немного времени, и Саблин пожелает петь только соло...

Вспоминает адмирал Валентин Егорович Селиванов: «После окончания военно-морской академии в 1971 году я был назначен на Балтийский флот начальником штаба бригады кораблей ПЛО в Балтийск, а через два года командиром 76-й бригады эсминцев в Лиенау. Бригада была большая, т. к. помимо эсминцев включала и крейсера. Бригадой я прокомандовал два года, после чего, минуя должность начальника штаба дивизии, сразу был назначен командиром 12-й дивизии надводных кораблей, которая была тогда основным соединением надводных кораблей Балтийского флота. В составе входившей в дивизию 128-й бригады кораблей находился и БПК «Сторожевой». В дивизии «Сторожевой» был на неплохом счету, не лучшим, но и не худшим. Незадолго до моего назначения он успешно выполнил задачи боевой службы. Мое отношение к «Сторожевому» было несколько особенным. Дело в том, что его командир Анатолий Потульный был моим одноклассником по училищу Фрунзе, и мы были с ним достаточно дружны. Конечно, в официальной обстановке мы и держались официально, но наедине оставались друзьями. Помню, как во время моего посещения «Сторожевого» ко мне подошел Саблин и, представившись, напомнил, что я когда-то был в их курсантской роте старшиной класса. Я его тоже вспомнил и пожал руку. Больше я с Саблиным особо не общался. Тогда у меня в подчинении было 38 кораблей 1-го и 2-го ранга, из них 4 крейсера. Это больше, чем сегодня на всех флотах вместе взятых. А потому забот у меня хватало. Так как Саблин был замполитом, то по большей части он общался с начальником политотдела дивизии капитаном 2-го ранга Иваном Медведевым, хорошим, грамотным политработником».

Из автобиографии Саблина: «С приездом в Балтийск опять возникли трудности. Оказалось не так просто попасть на «трибуну». Вместо одного плавающего корабля, на который я назначался на БПК «Бдительный», меня направляют на новостроящийся корабль «Сторожевой». Я понимал, что это минимум потерянный год и всячески отказывался, но вызвали к члену Военного Совета и заставили в приказном порядке принимать должность. С августа по март 1974 года был сумасшедший. Это период выхода из завода и сдачи корабля флоту. Конечно, я в этот момент не мог ничем заниматься, никакой политикой. Единственно, что я изучал людей, корабль, а больше ничего.

После отпуска в мае встал вопрос о подготовке к боевой службе в июле. Личный состав, офицеры рвались на боевую службу, и выступать в это время было неразумно. Однако вместо неудачной этой боевой службы, которая не состоялась, была назначена новая на декабрь – июнь месяц. И опять началась подготовка, опять ожидание, ну а потом вот началась служба, на которой мы сейчас находимся.

Итак, получается, скоро два года, как я нахожусь на трибуне, на которую я все время рвался, но нет пока той обстановки, когда можно выступить. Но считаю, что наиболее вероятный срок, с учетом всех “за” и “против” – ноябрь, вернее конец ноября. Вот и все. Оказывается, просто рассказать о своем трудном и сложном пути, от веры, советской веры, детской веры в благополучие сегодняшнего дня к твердому убеждению о необходимости революционной борьбы. И на этот путь я встал».

Заместитель командира БПК по политической части – это уже достаточно солидная должность, тем более что далеко не все замполиты в 128-й бригады имели за плечами политическую академию. Поэтому приняли Саблина в Балтийске хорошо. Вскоре после прибытия он получил и квартиру в новостройке. Приехала жена с сыном. Что еще надо, служи и радуйся, но Саблин уже всю думал свою великую мятежную думу, а замполитовские будни его не слишком волновали.

В день прибытия на «Сторожевой» Саблин принес в каюту и свой талисман – старый фашистский кортик со свастикой. Особенно он талисман никому не показывал, понимая, что для замполита и коммуниста это не лучший предмет хранения и поклонения. Однако шила в мешке не утаишь, и через некоторое время об оригинальном талисмани замполита стало известно офицерам корабля. На вопросы о том, для чего ему старый фашистский кортик, да еще со свастикой, Саблин отшучивался:

– Служа в бывшей немецкой базе Пиллау (Балтийске), я просто интересуюсь военноморской историей!

Так как «Сторожевой» изначально предполагалось использовать для выполнения задач дальних походов, офицеров на него подбирали специально. Попасть служить на «Сторожевой» было престижно. Именно поэтому своего сына отправил туда и начальник РТУ БФ.

Почти сразу после окончания государственных испытаний «Сторожевой» начали готовиться к боевой службе.

Сразу же началась перетасовка офицерского состава. Прежде всего был убран склонный к пьянству командир БЧ-5 капитан-лейтенант А. Гриб и на его должность назначен хорошо зарекомендовавший себя командир турбомоторной группы с БПК «Бодрый» старший лейтенант А. Иванов. Менее чем за год на корабле сменилось три старпома (Сазонов, Гаврилов), и только перед самой боевой службой наконец прибыл толковый старший помощник командира – капитан-лейтенант Н. Новожилов. Сменился командир БЧ-3, новым минером стал старший лейтенант Сайтов, командиром БЧ-4 выпускник ВВМУ лейтенант Левиков. Секретарем парторганизации корабля был выбран командир электротехнической группы старший лейтенант В. Фирсов. К моменту окончания подготовки к первой боевой службе на борту из старых офицеров первого состава остались лишь командир БЧ-1 лейтенант Д. Смирнов, командир БЧ-2 В. Виноградов и начальник РТС капитан-лейтенант Прошутинский.

Именно в этот момент на корабль попали и такие мутные личности, как уголовник Шеин, и другие. Чехарда с перемещениями офицеров и пополнение команды не самыми дисциплинированными матросами сразу же сказалась на состоянии дисциплины на корабле. Чтобы не выносить сор из избы, Потульный и Саблин всю занимались теперь сокрытием происходящего на корабле, замалчивая множившиеся грубые проступки и наличие напряженной обстановки на корабле. При этом, как оказалось впоследствии, каждый из них преследовал свои цели. Если командир, скрывая нарушения дисциплины, ратовал за поддержание репутации передового корабля, то замполит имел куда более далеко идущие замыслы.

Вскоре во время одного из выходов в море едва не произошло весьма странное ЧП. Вспоминает ветеран Балтийского флота В. Дугинец: «После отработки задач по совместному маневрированию в море “Сторожевой” ночью возвращался к своему причалу. Ветер свирепствовал своими осенними порывами, и вода в канале была в правый борт. Вдруг в

самом узком месте прохода моллов одновременно произошла остановка всех 4-х работающих турбин. И маршевые, и форсажные турбины заглохли в самом неудобном для маневрирования месте канала. Корабль погрузился в тишину, и только свист ветра и шум волнения завладели помертвевшим корпусом и стали сносить его на мол. Потульный приказал отдать оба якоря, и корабль, рискуя навалиться на ограждение канала, проштормовал в канале до рассвета. А в это время механики, взбудораженные небывалой неприятностью, искали неисправность. Фирсов и Гиндин вместе с Ивановым на животах проползли все межтурбинные щели и обследовали все кабели подводки питания к турбинам. Нет никаких неисправностей – все топливные и электрические параметры в норме, и по какой причине произошла потеря хода, выяснить так и не удалось. По всем механическим понятиям такая остановка турбин и всех 4-х в один момент практически невозможна. Если... если только на мгновение не обесточить все средства движения. А на рассвете турбины запустились, все и без каких-либо затруднений и проволочем, словно и не было никаких несанкционированных остановок несколько часов назад».

Что же случилось одновременно сразу с четырьмя турбинами и почему они спустя несколько часов вдруг так же одновременно оказались в строю, так и осталось загадкой. Эта история с турбинами впоследствии будет еще иметь свое продолжение.

Летом 1974 года «Сторожевой» принял участие во флотских учениях по высадке десанта на мысе Таран в качестве флагманского корабля министра обороны.

Из воспоминаний бывшего начальника медицинской службы БПК «Сторожевой» Олега Садкова: «Министр обороны СССР А.А. Гречко и старшие офицеры Генерального штаба на борту “Сторожевого” выходили на полигон для наблюдения высадки десанта. Подготовка к посещению велась около месяца. Корабль красился, проверялась форма личного состава. К визиту на борт завезли десять сортов пива и десять сортов сигарет и папирос. Приготовление обеда осуществляли личный повар министра обороны в звании майора и повар командующего Балтийским флотом в звании мичмана. Были заготовлены таблички для кают с указанием звания и должности офицеров Генерального штаба. Сам Гречко поднялся на борт, со свитой более 40 генералов и адмиралов, около 9 часов утра. Переход до района высадки более двух часов. В миле до берега легли в дрейф. И началась обработка берега и линии обороны супостата штурмовиками, подошедшими БДК, работала артиллерия и система “Шквал”, потом пошел десант. Гречко, сидя в командирском кресле, требует подойти ближе к берегу. Потульный где-то от штурманского стола докладывает: “У берега мелко, можем набрать песка в систему охлаждения”. Тут же получает тычок от Михайлина (командующий Балтийским флотом. – В.Ш.). Подошли... Спектакль закончился. Гости приглашаются в кают-компанию на обед. Гречко ставит задачу командиру через час быть у стенки в базе. Тот пытается сказать, что это невозможно, но приказ получен. Через час с небольшим из Балтийска убыла кавалькада лимузинов. Таблички с дверей кают сняли. На ГКП висела – “Генеральный штаб”. Итог выхода – сожженная турбина. Меняли ее три недели на заводе “Янтарь”».

Следующим экзаменом для «Сторожевого» стал дружеский визит с БПК «Славный» в октябре 1974 года в Росток на празднование 25-й годовщины образования ГДР. Визит дружбы прошел без происшествий. Наши корабли стояли у причала Росток с поднятыми флагами рассвечивания, а ночью на них зажигали праздничную иллюминацию. Не было недостатка и в посетителях, немцы толпами приходили посмотреть советские корабли. Были и ответные визиты, в которых непременно участвовал Саблин.

Из воспоминаний бывшего начальника медицинской службы БПК «Сторожевой» Олега Садкова: «Эпизод из визита в ГДР на 25-летие. Корабль новый, все секретно. Собирают особисты и озвучивают легенды по вооружению и т. д. Посетители только на верхней палубе. Немец подходит к офицеру и спрашивает: “А что это на носу под водой?” Тот не знает

что ответить, подключает особиста. А откуда вы это знаете? Все просто. Немец проходил мимо кают-компания и заглянул внутрь. Справа от двери на подставке стоял макет из плексигласа. Там и видно ГАС. После этого приказ задраить все иллюминаторы на броняшки».

А перед уходом из Ростoka произошел конфликт между Саблиным и командиром БЧ-5 Ивановым, который, на мой взгляд, имел далеко идущие последствия. Причиной конфликта стал приказ Иванова командиру электротехнической группы старшему лейтенанту Фирсову заниматься снятием праздничной иллюминации, на что тот доложил о приказе Саблина следовать вместе с ним на прощальный банкет (Фирсов являлся в тот момент секретарем партийной организации корабля). Иванов немедленно отправился выяснять отношения с замполитом. Пользуясь властью, Саблин решил вопрос в свою пользу, однако после этого с Ивановым они уже более никогда не имели товарищеских отношений.

* * *

После возвращения из Ростoka «Сторожевой» был полностью доукомплектован людьми и 1 января 1975 года наконец-то вышел на долгожданную боевую службу в Средиземное море с последующим заходом на Кубу. Старшим отряда пошел недавно окончивший ВМА командир 128-й бригады капитан 2-го ранга Л. Рассукованный.

Волею случая на кораблях отряда в этот момент оказалось всего два офицера с академическим образованием – Рассукованный и Саблин, причем Саблин окончил академию на год раньше Рассукованного. По этой причине он считал себя равным командиру отряда и даже более опытным во всех вопросах. Это стало причиной последующего конфликта между ними.

Забегая вперед, скажем, что когда корабли вернулись в Балтийск, Саблин первым делом помчался к командиру дивизии, чтобы рассказать о том, как плохо командовал кораблями в походе командир отряда. Думаю, что этот поступок авторитета к замполиту «Сторожевого» в глазах командира дивизии не прибавил. Как относился к Саблину Рассукованный, сказать не берусь, но вряд ли он также питал к замполиту «Сторожевого» теплые чувства. Судьба в данном случае сыграла с Саблиным злую шутку – именно его личный враг капитан 2-го ранга Рассукованный впоследствии возьмет его под арест после провала мятежа. Этот факт Саблин будет переживать особенно тяжело и во время допросов, время от времени, вспоминая Рассукованного, будет поливать его грязью даже тогда, когда это совершенно не относилось к теме допроса. При этом центральное место во всем саблинском доношении по-прежнему будет занимать конфликт, произошедший между Саблиным и Рассукованным во время дальнего похода.

А дело обстояло так. Во время несения боевой службы в Средиземном море отряд кораблей Балтийского флота стоял на якоре у побережья Марокко. Воспользовавшись относительно спокойной обстановкой, Рассукованный решил провести смотр художественной самодеятельности БПК «Сторожевого» и «Свирепого». Он приказал прибыть на флагманский корабль командиру «Свирепого» и вместе с ним 30 членам экипажа – участниками художественной самодеятельности. Но в это время резко усилился ветер, и катер со «Свирепого» задержали. Тогда Рассукованный приказал Потульному сняться с якоря и подойти поближе к «Свирепому». Во время этого маневра Рассукованный (по версии Саблина) вмешивался в командование кораблем и дал неверное указание зайти к «Свирепому» с наветренного борта. Когда «Сторожевой» остановился и катер со «Свирепого» был спущен, Рассукованный приказал Потульному дать задний ход, но Потульный не выполнил этой команды (Саблин при этом добавляет «к счастью»), иначе, по версии Саблина, «Сторожевой» неминуемо разбил бы катер, находившийся по корме. Далее Саблин пишет: «В результате “Сторожевой” навалился на “Свирепый” и получил пробоину 3 на 1,5 метра выше ватерлинии. Фор-

штевень “Свирепого” остановился в 5 сантиметров от контейнеров с ракетами. Еще немного, и взрыва бы не миновать». Далее, по словам Саблина, он начал при всех пенять Рассукованному на его некомпетентность, на что тот грубо ответил замполиту, чтобы тот не лез не в свое дело. На это оскорбленный Саблин заявил, что он сам закончил академию и понимает в военном деле не меньше Рассукованного. Произошел конфликт. В ходе его Рассукованный, по словам Саблина, и сказал ему, что он никого не боится, так как у него есть влиятельная «лапа» (т. е. покровитель).

Далее Саблин пишет: «Все это я наблюдал, находясь на ходовом мостике. По приходе в Балтийск я доложил о происшедшем, а также о поведении Рассукованного командиру соединения, однако никаких мер по отношению к Рассукованному принято не было».

Рассказ Саблина надо прокомментировать. Во-первых, тот факт, что командир отряда, используя небольшую передышку в плавании, сразу же организует смотр художественной самодеятельности, характеризует его как командира, заботившегося о досуге своих подчиненных. Во-вторых, во время маневра Потульный не выполняет рекомендации Рассукованного (именно рекомендации, а не команды, т. к. командир отряда официально не вступил в командование кораблем). Именно упрямство Потульного (а не команда Рассукованного) и приводит в конечном итоге к столкновению кораблей, которое могло иметь печальные последствия. В происшедшем однозначно виновен вовсе не Рассукованный, а командир «Сторожевого». Этого не мог не понимать и Саблин, но его ненависть к командиру отряда была столь велика, что он во всех грехах обвиняет именно его. Отметим и тот факт, что, несмотря на произошедшее аварийное происшествие, ни Потульный, ни Саблин не имели никаких последствий. Все это не только характеризует Рассукованного как грамотного моряка, но и как немстительного и справедливого человека, чего никак не скажешь о самом Саблине.

Впоследствии Саблин будет особенно возмущаться на допросах тем, что Рассукованный открыто заявил о наличии у него в Москве «лапы».

Ну, ответил бы ему Саблин, что и у него там же в Москве есть «лапа» не слабее комбриговской, и дело бы с концом. Но не тут-то было!

Слова Рассукованного глубоко запали в душу честного замполита, и он трижды (!) упоминает этот, в общем-то, заурядный случай в протоколах допросов. Ну, допустим, были у Рассукованного какие-то связи в Москве, ну, допустим, похвастался он о них, не подумав, в узком кругу, ну и что? Саблин возводит слова Рассукованного в ранг государственной политики, вот, мол, как легко было служить тем, у кого были связи, и как трудно было служить ему, талантливому офицеру, но без связей. Полноте, неужели Саблин искренне верил, что о его собственной сверхмогучей московской «лапе» никому ничего не было известно. Наивный человек! Слухи о высоком покровителе выпускника академии достигли Балтийска еще до его появления там. Если Рассукованный и говорил о своих связях, то вполне возможно для того, чтобы раскрутить Саблина поведать о своих. Но не на того напал! Замполит «Сторожевого» был настоящим конспиратором и на такие штучки не клевал. Наоборот, он сразу насторожился и понял, что его прощупывают, и может, именно потому вновь и вновь возвращался на допросах к неосторожным словам командира бригады.

Листая тома уголовного дела, у меня сложилось стойкое впечатление, что Саблин пытался хотя бы напоследок, но любой ценой опорочить своего старого недруга. И хотя следователя Добровольского рассказы о Рассукованном абсолютно не интересовали, Саблин, начиная ответ на какой-то очередной вопрос, упорно, в конце концов, все сводил на претензии к своему заклятому врагу.

Вот, к примеру, что он рассказывает на очередном допросе следователю о «негодяе» Рассукованном: «Во время дальнего похода командир отряда кораблей Рассукованный неоднократно и необоснованно объявлял боевые тревоги, срывая распорядок дня и запланиро-

ванные мероприятия, давал неправильные указания по эксплуатации техники. Часто вел себя вызывающе, в нарушение всех уставных требований давал через голову командира, причем вел себя вызывающе, надменно. Свои частые объявления боевой тревоги Рассукованный объяснял необходимостью повышения боевой готовности кораблей».

Что и говорить, право, негодяй этот Рассукованный! Саблин хочет матросам в десятый раз энзейштейновский «Броненосец “Потемкин”» закрутить, дабы наглядно показать, как следует мятежи на кораблях устраивать, а тут опять нехстати боевая тревога по отражению воздушного нападения вероятного противника! Понятное дело, Саблину такая постановка вопроса очень даже не нравилась. Конечно, куда легче подбить на бунт сырой, живущий по принципу партизанской ватаги экипаж, чем экипаж сплаванный и отработанный, а значит, сплоченный и здравомыслящий. Именно поэтому вся деятельность Рассукованного объективно вызывала раздражение нашего тайного коммунара.

Но командиру отряда было глубоко наплевать на вздохи выпускника политической академии. Он вышел в море не на круизном лайнере заниматься развлечением пассажиров, а для того, чтобы учиться воевать и держать корабль в полной готовности к отражению возможного внезапного удара по кораблю. Боевая служба на то и называется боевой, потому что корабли находятся на передовом крае обороны Отечества, вдали от его берегов, и рассчитывать в бою могут исключительно на свои собственные силы. Вспомним, что «Сторожевой» на тот момент был еще новым кораблем и его экипаж был еще «сырой», неотработанный и несплаванный. Это, кстати, полностью признает и Саблин в своих рассуждениях об экипаже «Сторожевого». Подавляющее число моряков никогда прежде не бывали на боевой службе, не говоря уже о столь дальнем и ответственном походе, как поход на Кубу. Именно потому первой задачей Рассукованного было доведение в кратчайшие сроки «Сторожевого» до высокого уровня боеготовности, а также обучение экипажа ведению боевых действий в реальных океанских условиях. Как опытный и грамотный командир, Рассукованный понимал, что при стоянке в базе никогда нельзя сделать того, что можно сделать в дальнем походе. А потому он и старался использовать для учебы каждую лишнюю минуту.

То, что порой командир отряда брал команду кораблем в свои руки, в этом тоже нет ничего сверхъестественного. Именно флагман несет всю ответственность за результат похода, а потому именно ему и принимать самые важные решения, когда он считает это нужным. Пусть читатель теперь сам решает, кто из двух оппонентов в данном случае прав: тот, кто старался поднять боеготовность корабля, или тот, кто желал спокойной жизни в боевом походе.

Вспоминает адмирал Валентин Егорович Селиванов: «Что касается капитана 2-го ранга Рассукованного, то он служил у меня в бригаде эсминцев начальником штаба, а когда я стал командиром дивизии, он возглавил 76-ю БЭМС. Моряком Рассукованный был хорошим, умело командовал кораблями в море. Лучшее подтверждение этому успешно проведенный под его началом поход отряда кораблей на Кубу. Как недостаток, он был грубоват, мог под горячую руку провинившегося обматерить. Что произошло между Рассукованным и Саблиным, я в точности не знаю, но думаю, замполит попал под горячую руку, первый обругал за что-то второго, а тот разобиделся. Других причин для столь негативного отношения Саблина к Рассукованному я не вижу».

1 марта 1975 года «Сторожевой» прибыл на Кубу. Первым входил в Гаванскую бухту БПК «Свирепый», за ним должен был следовать «Сторожевой». И опять ЧП, как две капли воды похожее на потерю хода в Балтийске. Когда начались приготовления к съемке с якоря, командир БЧ-5 доложил в ходовую рубку, что не запускаются турбины. О причинах ничего доложить не мог, т. к. на пульте ПЭЖа все приборы показывали исправность турбин. Начались поиски повреждений во главе с командиром БЧ-5. Офицеры, мичманы и матросы в течение трех часов обследовали все агрегаты и системы питания. Неожиданно Иванов наткнулся

на странный кабель. С него была ножом срезана изоляция, а жилы перекручены и закорочены. Вызвали особиста, и тот начал расследование явного вредительства. В том, что это была не случайность, а вредительство, сомневаться не приходилось, т. к. закорочен был именно тот провод, который и обесточил сразу все турбины, и закорочен именно в том месте, где к нему труднее всего подобраться. Однако расследование так ничего не дало.

Февраль на острове Свободы – время традиционных карнавалов, так что наши моряки в прямом смысле попали с корабля на бал. На Кубе наши корабли простояли два месяца. Советских моряков кубинцы принимали как родных. На «Сторожевом» побывал министр обороны Рауль Кастро. Для экипажа организовывались экскурсии, был предоставлен и отдельный пляж.

На Кубе по вине Саблина произошел и неприятный инцидент. В ту пору на флоте все поголовно увлекались чеканкой по меди. Поэтому по прибытии на Кубу Саблин велел матросу-чеканщику заняться изготовлением сувениров для кубинцев. Во время обжига меди паяльной лампой на ней сорвало пробку бачка с керосином, заливший матросскую робу керосин мгновенно вспыхнул, и матрос чудом спасся, выпрыгнув за борт. С ожогами его переправили в местный госпиталь.

После двух месяцев пребывания на Кубе, на обратном пути, отряд кораблей Балтийского флота завернул в Северную Атлантику. Там в рамках межфлотских маневров «Океан-75» балтийские корабли успешно выполнили ракетные стрельбы по условному противнику, за что Потульный получил благодарность от командующего Северным флотом. Затем «Сторожевой» и «Свирепый» зашли на отдых в Североморск.

Вспоминает контр-адмирал в отставке В.Т. Лосиков: «В 1975 году в Северном море проходили совместные учения Северного и Балтийского флотов с ракетными и артиллерийскими стрельбами. После успешного проведения учений в Североморск для пополнения запасов и отдыха личного состава на три дня зашел отряд кораблей Балтийского флота в составе крейсера и двух БПК. Одним из них был “Сторожевой”. Я в то время был начальником политотдела 2-й дивизии противолодочных кораблей СФ, и наша дивизия был назначена принимающей стороной. “Сторожевой” мне запомнился тем, что в сравнении с нашими избитыми океаном кораблями он был совсем новый и свежеевыкрашенный, как игрушка, так возвращался с визита на Кубу. Познакомился я и с замполитом “Сторожевого” Саблиным. У него было открытое лицо, сам чернявый, похожий на еврея. У меня привычка, когда знакомился с замполитами, всегда шел в его каюту. Каюты очень много может рассказать о своем хозяине: насколько он аккуратен, собран, какие книги читает, чем увлекается на досуге и т. д. Попросил Саблина отвести меня в его каюту. Он ответил, что не может, так как каюта занята старшим на борту, а он временно перебрался в другую. Пошли туда. Что меня поразило в саблинской каюте – это висящие рядом на стене два портрета – Энгельс и Горшков. Никогда больше я не встречал столь редкого сочетания. Спросил Саблина, почему именно этих деятелей он решил повесить у себя в каюте. Ответ был таков:

– Энгельс был великим военным теоретиком и марксистом, а Горшков – наш современный флотоводец.

При этом он удивился, что я сразу обратил внимание на портреты:

– Вот наш ЧВС Шабликов несколько раз был у меня в каюте, но на портреты никогда внимания не обращал.

Когда я предложил от дивизии помощь в организации отдыха матросов, организации снабжения, то Саблин от всего отказался достаточно резко:

– Я здесь служил и все знаю не хуже вас, никакой вашей помощи мне не надо, я справлюсь и сам!

Сказано было достаточно категорично, и я больше ему уже ничего не предлагал.

Мне Саблин показался человеком достаточно странным. Больше я с ним уже не общался, поэтому больше узнать не успел. Однако вскоре о нем пришлось услышать немало».

* * *

1 мая 1975 года под звуки оркестра корабли отряда вернулись в Балтийск. Итогами похода были довольны все – и командование Балтийского флота, и командование ВМФ.

Разумеется, была дана команда представить списки отличившихся на награждение государственными наградами. Попал в эти списки и Саблин. Почему попал? Может быть, начинающий замполит во время похода совершил какой-то подвиг? Но нет, никаких подвигов Саблин не совершал, а занимался обычной будничной замовской работой, да к тому же, по его чистосердечному признанию, не слишком успешно.

Получение Саблиным ордена буквально через несколько месяцев после его прибытия на Балтийский флот из академии выглядит достаточно странным. Не будем уподобляться далеким от флотских реалий журналистам, которые видят в этом еще одно признание гениальности их героя. Как мы уже знаем, никакими выдающимися способностями Саблин и ранее на службе не отличался, не стал он гением и вступив на палубу «Сторожевого». Так что же кроется за столь быстрым награждением Саблина орденом? Может быть, тогда всех так награждали? Увы, нет. Большинство весьма заслуженных и боевых офицеров так и уходило на пенсию, имея на груди лишь юбилейные медали да ведомственные жетоны за выслугу лет (как говорили на флоте, «за песок»). А в отношении Саблина вдруг такая царская щедрость!

Абсолютно ясно, чтобы получить орден, кто-то должен был написать представление на награду, и если награждение Саблина было награждением по итогам похода на Кубу, то в представлении обязательно должна была стоять подпись командира отряда кораблей, ведь именно он принимал окончательное решение, кто достоин награды, а кто нет. Но с чего бы это Рассукованному представлять к ордену того, кто на него открыто доносит?

Анализируя ситуацию с награждением Саблина, можно сказать, что вряд ли по итогам похода Рассукованный по своей воле подписал представление к ордену на ненавидевшего его зама, а если все же подписал, то не так он уж и был плох, как сообщает нам Саблин.

Помимо всего прочего, Саблин был на Балтийском флоте чужаком, которого никто еще толком не знал, так с чего прибывшего из академии «варяга» награждать только что учрежденным престижным орденом? Других куда более заслуженных офицеров что ли не было?!

Вспоминаю похожую ситуацию в своей службе. В 1981 году, после окончания училища, я прибыл в Лиенау, в самый разгар подготовки к грандиознейшим маневрам «Запад-81». Буквально месяц спустя мой МПК-2 самым активным образом участвовал в маневрах. Мы осуществляли противолодочное прикрытие огромного конвоя с десантом, шедшего из Балтийска к мысу Таран. Помимо нас в маневрах участвовал еще один мпк нашего дивизиона. Так как с поставленной задачей мы справились хорошо и подводные лодки к конвою не подпустили, были написаны представления на награды. В результате ордена «За службу Родине» 3-й степени получили командир дивизиона и мой командир корабля. Командир второго мпк и его замполит были награждены медалями «За боевые заслуги». Награждены были и другие офицеры, и мичманы. Мне, учитывая малый срок нахождения в должности, вручили грамоту Главкома ВМФ, чему я был весьма рад, так как и это считалось весьма почетно.

К чему я это написал, да только к тому, что не в традициях было на Балтийском флоте осыпать наградами офицеров, которые еще только делали свои первые шаги по службе. Это вполне справедливо – пусть еще послужат и на деле докажут, чего они стоят! Что касается Саблина, то как профессионал он делал тогда лишь свои первые шаги на замовском поприще,

а потому его надо было учить правильно работать, а не награждать. Впрочем, возможно, Саблин просто оказался в нужном месте в нужное время, т. е. попал в струю, так в жизни и в службе тоже бывает.

Впрочем, возможно, что здесь опять помог все тот же благодетель в лице адмирала Гришанова, который, как известно, любил награждать своих любимцев именно орденом «За службу Родине». Были случаи, когда понравившиеся ему офицеры и даже журналисты отправились из Москвы в краткосрочную командировку с выходом в море, а в Москве их уже поджидала «заслуженная» награда в виде томпаковой звезды. Возможно, что именно так произошло и в случае с Саблиным. Все задачи похода были выполнены, и Гришанов тут же порекомендовал начальнику политуправления Балтийского флота вице-адмиралу Шабликову сделать представление и на своего выдвиженца. Допускаю, что тот и сам додумался до этого, чтобы подфартить шефу.

Впрочем, будем объективны – результаты похода отряда кораблей на Кубу и их последующее участие в учениях в Северной Атлантике совместно с кораблями Северного флота были действительно высоко оценены не только командованием Балтийского флота, но и главнокомандованием ВМФ. Отметим, что вместе с Саблиным такой же орден получил и командир «Сторожевого» капитан 2-го ранга Потульный. Награждены были командир и замполит второго корабля, а также руководство отрядом кораблей.

После возвращения с боевой службы начинается новый этап службы нашего «героя» на корабле. Если ранее он еще занимался воспитательной работой, то теперь, по свидетельству сослуживцев, сразу же резко потерял интерес к выполнению своих прямых обязанностей. Замполит «Сторожевого» стал нервозен и замкнут. Подчиненные его больше не интересовали. На корабле перестали организовывать культпоходы и другие досуговые мероприятия. Большую часть времени Саблин проводил теперь, закрывшись в своей каюте. О нежелании в этот момент заниматься своими служебными обязанностями признается в автобиографии и сам Саблин.

В июле 1975 года на корабле прошло отчетно-выборное партийное собрание корабля. На нем вместо Фирсова секретарем парторганизации был избран командир БЧ-2 В. Виноградов, а его заместителем командир БЧ-5 А. Иванов, оба весьма авторитетные на корабле офицеры и, что самое главное, состоявшие в определенной оппозиции к замполиту. По свидетельству офицеров-ветеранов 12-й ДИРК, выборы Виноградова и Иванова коммунистами корабля были проведены вопреки кандидатурам, выдвинутым Саблиным. Перед нами явный протест коммунистов корабля против замполита, что дает основание полагать наличие на тот момент на «Сторожевом» противостояния партийной группы и замполита. Избранием Виноградова с Ивановым Саблин был открыто недоволен, как следствие этого – он еще больше отстранился от всех дел. Теперь при первой возможности Саблин покидал корабль и под какими-то предлогами уезжал в Калининград. Что он там делал, на корабле не знал никто.

Противопоставить новым руководителям партийной организации Саблину было нечего, так как по итогам учебного 1975 года электромеханическая боевая часть «Сторожевого» была объявлена лучшей на Балтийском флоте. В этом, разумеется, была прежде всего заслуга ее командира – коммуниста капитан-лейтенанта А. Иванова.

Часто авторы пишут, что Саблин якобы имел допуск к управлению кораблем. Это неправда. В личном деле замполита «Сторожевого» значится лишь то, что он сдал зачеты на самостоятельное несение вахты на якоре и на ходу. Никаких упоминаний о допуске Саблина к самостоятельному управлению кораблем в его личном деле я не обнаружил. Да и откуда им там быть, если за четыре года пребывания в должности помощника командира СКР 159-го проекта Саблин так и не сдал на допуск управления этим кораблем, а тут вдруг в должности замполита сдает на управление БПК!

... Тем временем было объявлено, что в ноябре 1975 года «Сторожевой» идет на плановый доковый ремонт в Лиепаю на 29-м судоремонтном заводе в доке № 1. Началась подготовка соответствующих ремонтных ведомостей.

* * *

За послевоенные годы у руля Балтийского флота стояло немало адмиралов, но именно в 1975 году во главе него были, пожалуй, самые слабые и непопулярные начальники. Командовавший флотом в ту пору вице-адмирал Косов отличался грубостью и военно-морской некомпетентией. Будучи заядлым охотником и любителем горячительного, он как-то застрелил на охоте выполнявшего роль загонщика матроса 35-й комендатуры обеспечения. Еще менее популярным был и начальник политического управления вице-адмирал Шабликов. Как Косов, так и Шабликов попались на спекуляции, когда в преддверии очередного подорожания золота, узнав об этом заранее, они буквально вычистили ювелирные магазины Калининграда. Эта история получила большую огласку. Косова я видел лишь однажды, будучи еще матросом. Запомнился лишь хмурый взгляд и огромный живот.

Любопытную характеристику командованию Балтийского флота образца 1975 года дал бывший Главнокомандующий ВМФ СССР и РФ адмирал флота В.Н. Чернавин (в 1975 году он был НШ СФ) мне в личной беседе о событиях, связанных с Саблиным: «Косов был из подводников, очень своеобразный человек, всегда очень большого мнения о себе. Эта явная переоценка личных способностей и амбиции ему сильно мешали. Что касается Шабликова, то он был явно не на своем месте, был неумен, слишком заносчив и амбициозен».

Справедливости надо сказать, что, за исключением этих двух лиц, в предшествующие и последующие годы во главе Балтийского флота стояли весьма авторитетные и достойные адмиралы. Это командующие флотом: адмиралы Михайлин и Сидоров, Капитанец, Макаров и Иванов. Под стать им были и начальники политуправления БФ: прежде всего легендарный адмирал Почупайло, вице-адмиралы Аликов и Корниенко.

Впрочем, как известно, в мире ничего случайного не бывает, а потому именно в бытность у власти на Балтике именно Косова и Шабликова там объявился и Саблин. Мне в точности неизвестно, был ли посвящен Шабликов в отношения между Гришановым и Саблиным, но думаю, что был.

На одном из допросов Саблин случайно выложил весьма любопытный факт. Говоря о том, как он заранее приготовил навесные замки для задуманного им на будущее ареста командира корабля и офицеров, Саблин сообщает, что купил эти замки, когда ездил в Калининград «по своим личным делам в отдел кадров политического управления Балтийского флота».

В одном из сочинений о Саблине я нашел упоминание, что перед мятежом якобы рассматривался вопрос назначения Саблина на новую должность. Автор этого сочинения О.П. Бар-Бирюков пишет: «Предполагается завидное для многих выдвижение на должность замполита одного из самых крупных тогда советских надводных кораблей – тяжелого авианесущего крейсера...»

Посмотрим, может, действительно карьера Саблина столь стремительно пошла вверх, что ему уже предлагали стать замполитом самого огромного и престижного корабля советского ВМФ.

Документально известно, что команда «Киева» была сформирована в 1973 году, когда корабль еще достраивался. Разумеется, никто бы никогда не назначил Саблина замполитом первого советского авианосца. Первый замполит «Киева» был назначен 12 ноября 1973 года. Это был опытный политработник, уже прошедший хорошую замовскую школу на кораблях эскадры Северного флота капитан 2-го ранга Д.В. Бородавкин, прослуживший на «Киеве» до

января 1978 года. Затем его сменил известный всему советскому и российскому ВМФ А.А. Пенкин (будущий контр-адмирал и заместитель командующего ЧФ). Так что относительно назначения Саблина на «Киев» и речи быть не могло.

Что касается второго по счету ТАКРа «Минск», то он был спущен на воду 30 сентября 1975 года, т. е. команда его была сформирована в середине 1976 года. Теоретически по времени в конце 1975 года кадровики действительно могли начать подыскивать замполита на «Минск». Но искали они никак не Саблина, несмотря на все положительные отзывы вышших начальников о его службе на «Сторожевом» и полученный орден. На тот момент за плечами Саблина был лишь корабль 2-го ранга с водоизмещением в 3 тысячи тонн и экипажем в 200 человек, что не идет ни в какое сравнение с авианосным крейсером водоизмещением в 40 тысяч тонн и экипажем в две с лишним тысячи человек. При этом замполиты первых ТАКРов, как и замполиты РПКСН, проходили перед назначением собеседование в Главном Политуправлении СА и ВМФ. Там бессильным был даже всемогущий Гришанов. Он мог лишь рекомендовать своего кандидата, но окончательное решение принимал лично Епишев. На такое собеседование Саблина бы и на порог не допустили ни по прохождению службы, ни по опыту воспитательной работы, ни по авторитету в ВМФ. На должность замполитов авианосных крейсеров (особенно первое время) назначали, как правило, замполитов крейсеров 68 проекта, которые уже имели опыт руководства тысячными экипажами. Из командиров крейсеров 68 проекта назначались и первые командиры ТАКРов. Помимо этого экипаж «Минска» формировался на Тихоокеанском флоте, куда корабль должен был идти после государственных испытаний. Поэтому никто бы не допустил, чтобы, при наличии тихоокеанской команды, брать замполитом не известного никому «варяга» с Балтики. Замполит ТАКРа должен был быть только свой, проверенный и опытный политработник, знавший костяк экипажа и особенности службы на ТОФе.

Впрочем, к ноябрю 1975 года Саблин пребывал уже на «Сторожевом» больше двух лет и его действительно могли планировать к переводу с повышением. Какие при этом могли быть варианты?

Адмирал В.И. Селиванов в нашей беседе вспомнил, что незадолго до событий 9 ноября Саблину предлагали должность заместителя начальника политического отдела бригады десантных кораблей. Такое предложение для замполита корабля 2-го ранга, имеющего академическое образование, более правдоподобно. Должность замначпо была весьма перспективной, но Саблин от нее наотрез отказался. Дело в том, что для выступления ему нужна была «трибуна» (как он сам говорил), т. е. скоростной, хорошо вооруженный корабль, и на эту роль как никакой иной корабль лучше всех годился «Сторожевой». Никакой большой десантный корабль для саблинских замыслов, разумеется, не подходил. Саблину был нужен «Сторожевой» и только «Сторожевой»!

Что же касается сказки О.П. Бар-Бирюкова о «несостоявшемся замполите советского авианосца», то может, и бродила среди журналистов-демократов такая «утка», а может, и сам автор сочинил ее для пущей гениальности своего «героя».

Еще одна любопытная деталь о службе Саблина на «Сторожевом». Во время похода «Сторожевого» на Кубу к Саблину на корабль был посажен старший политработник, т. н. «дядька». Это вовсе не было недоверием со стороны командования. Такова была практика, что на первую боевую службу с молодым командиром всегда посылали старшего начальника, а с молодым замполитом более опытного офицера-воспитателя. Так как поход на Кубу для Балтийского флота был событием весьма значительным, курировать Саблина был определен капитан 1-го ранга Нарыков, занимавший должность секретаря парткомиссии флота.

Должность секретаря партийной комиссии флота была должностью особой. Несмотря на капризные погоны, секретари флотских парткомиссий имели вес побольше, чем мно-

гие адмиралы, а если к тому же они были энергичны и честолюбивы, то часто выполняли функции «серых кардиналов» при начальниках политуправлений.

Сейчас само понятие «парткомиссия» уже порядком подзабылось. Но когда-то это было мощное орудие воспитания коммунистов в соединениях и объединениях Вооруженных Сил СССР. Партийная комиссия представляла собой коллегиальный выборный орган, куда входили наиболее влиятельные и авторитетные коммунисты данного соединения или объединения. Партийные комиссии заслушивали коммунистов об их работе, рассматривали персональные дела, выносили окончательный вердикт об исключении или приеме в партию. Что касается парткомиссии флота, то она занималась персональными делами командиров эскадр, военно-морских баз и дивизий. Попасть на парткомиссию не желал никто, а потому с ее секретарем все старались дружить.

Надо отдать должное Саблину, за время похода на Кубу он сумел произвести на Нарыкова хорошее впечатление. Тому понравился капитан 3-го ранга, декларирующий наизусть целые страницы сочинений Маркса и Ленина. После возвращения с боевой службы Нарыков начал всю пропагандировать молодого и талантливого замполита, на чем вскоре и погорел...

Как знать, может быть, всезнающий секретарь партийной комиссии изначально знал о поддержке Саблина Гришановым и именно зная об этом, взял «молодое дарование» под свое крыло. Поэтому нельзя исключать, что поездки Саблина в политуправление БФ были на самом деле поездками к своему новому куратору, ну а заодно и замки для будущих арестов командира корабля и офицеров прикупал. Не терять же время попусту!

...Утром 5 ноября, оставив за кормой Балтийск, БПК «Сторожевой» взял курс в устье Даугавы для участия в традиционном морском параде в честь очередной годовщины Великой Октябрьской революции.

Большинство офицеров и мичманов предполагали на время ремонта отправиться в отпуск. Для старшин и матросов срочной службы представилась возможность побывать в Риге. Никто даже представить не мог, что испытания, которые ожидают их уже через несколько дней, навсегда перевернут их судьбы.

Часть вторая Маркс, Ленин, Саблин...

Глава первая Саблин как профессионал-воспитатель

Прежде, чем последовать за идущим в Ригу большим противолодочным кораблем «Сторожевой», попробуем разобраться, что же представлял собой Валерий Михайлович Саблин как профессиональный политработник и офицер-воспитатель? Что за идеи обуревали его голову и чего он, в сущности, хотел добиться?

Чтобы понять замыслы замполита БПК «Сторожевой», нам придется посвятить ответам на эти вопросы несколько глав. Но наберемся терпения, ибо нам предстоит узнать много интересного и любопытного о кумире либералов.

В многочисленных либерально-журналистских изысках о Саблине нет числа дифирамбам в его честь. Среди них наиболее часто предпринимаются попытки создать образ не только великого радетеля за общее коммунистическое благо, но и высокопрофессионального офицера-воспитателя, мудрого учителя и талантливого наставника. Ну а как же все обстояло в действительности? Как же служил на «Сторожевом» не мифический, а вполне реальный капитан 3-го ранга Саблин? Предоставим слово прежде всего самому Саблину, который подробно рассказывал о своей службе на корабле во время допроса 1 марта 1976 года.

Итак, на вопрос следователя Добровольского: «Были ли недостатки в воспитательной партийно-политической работе на БПК “Сторожевой”?» – Саблин ответил следующее: «Как я считаю, воспитательная и партийно-политическая работа на “Сторожевом” были примерно на том же уровне, что и на других кораблях соединения. Вместе с тем, я думаю, что она была организована не лучшим образом и страдала многими недостатками, в том числе формализмом, очковтирательством и начетничеством. На “Сторожевом” не всегда на должном уровне проводились политзанятия, что можно объяснить низкой требовательностью с моей стороны к руководителям групп политзанятий, в частности, к подготовке к занятиям, семинарам и организации дополнительных занятий с личным составом, находившимся на вахте. Я не сумел добиться контроля за состоянием конспектов политзанятий, что привело к отсутствию конспектов у многих слушателей семинаров и к крайне небрежному ведению конспектов теми, у кого они были. Частая смена руководителей сказалась и на качестве политической учебы мичманов.

На состояние политучебы на “Сторожевом” влияло и недобросовестное отношение ряда руководителей групп политзанятий к своим обязанностям. Несмотря на определенные усилия, которые я прилагал для того, чтобы навести порядок в организации ведения политзанятий, существовал ряд объективных причин, которые мешали мне привести в жизнь мои благие намерения. В частности, в силу систематического нарушения распорядка дня и занятости офицеры не могли качественно готовиться к политзанятиям. Обзоры лекций для руководителей групп политзанятий были некачественны и ограничивались статьями журнала “Коммунист Вооруженных Сил”. Ряд тем в программе политучебы не отвечал требованиям современного умственного и политического развития матросов. Что вызывало их пассивность на политзанятиях... Ряд офицеров проявляли недобросовестность. Например, Смирнов на занятиях читал статью из журнала “КВС”, Рожков дважды терял журналы учета. После одной из проверок инструктором политотдела мне было за это объявлено взыскание.

Я, как замполит, не мог охватить своим вниманием все группы политзанятий (их 11). Многое зависело от должности самих руководителей-офицеров. Как раз в этом ко мне были предъявлены серьезные претензии. Я успевал бывать на занятиях только 1–2 групп. После таких посещений проводил разбор занятий с руководителями, делал замечания, советовал. Тот или иной офицер выслушивал, кивал головой в знак согласия, а спустя некоторое время я наблюдал у него все те же ошибки, т. е. я не видел у многих офицеров желания понять, исправить или сделать хотя бы как надо.

После итоговой проверки в сентябре 1975 года я смотрел оценки, выставленные слушателям во всех группах и, зная способности тех или иных матросов и старшин, видел, что оценки эти явно завышены. Проверяющие, как я понял, не желая портить нам общую картину, соглашались с оценками. Я не проявил здесь принципиальности и не настаивал на изменении оценок, не хотел, чтобы оценки по политучебе на нашем корабле были бы хуже, чем на других кораблях.

Не все благополучно было на «Сторожевом» и с организацией политинформации – посещение было очень низким, приходилось чуть ли не самому собирать личный состав на политинформацию».

Теперь попробуем понять, что же поведал нам капитан 3-го ранга Саблин. Для человека непосвященного вроде бы и ничего особенного. Да, отдельные недостатки были, но он ведь так старался, так старался...

На самом же деле, сам того не подозревая, Саблин наглядно продемонстрировал истинный уровень своей профессиональной подготовки и отношения к делу.

Уже в начале своей «исповеди» Саблин напрямую заявляет, что в своей воспитательной работе он занимался формализмом и очковтирательством, т. е. фактически настоящим воспитанием подчиненных вообще не занимался, а лишь имитировал эту работу. Такое признание дорогого стоит! Намеки Саблина о том, что так же примерно дела обстояли и у других замполитов, несерьезны. Такими, как Саблин, на флоте были далеко не все. Смешны сетования Саблина и на то, что он не был в состоянии просмотреть раз в неделю 11 тетрадей руководителей групп политзанятий и задать каждому по 1–2 вопроса, из которых сразу же стало бы ясно, насколько эти руководители готовы к занятиям. Для этого не надо быть семи пядей во лбу. Более того, Саблин еженедельно обязан был проводить и специальные занятия с этими самыми руководителями групп. Время для этих занятий было официально предусмотрено в недельном расписании на каждом корабле советского ВМФ. Об этом он почему-то «забыл», т. е. таких занятий, оказывается, никогда не проводил. Как же тогда лейтенанты вообще могут стать грамотными преподавателями, когда их планово этому никто не учит? То, что после разборов Саблина офицеры на его советы откровенно плевали, говорит как о полезности этих советов, так и об авторитете самого Саблина. У грамотного, работающего и требовательного замполита и руководителя всегда к занятиям готовились, и матросы на занятиях не спали. Врет Саблин и то, что не был в состоянии охватить своим вниманием все группы политзанятий. Это же какой адский труд, обойти за три часа занятий 11 кубриков и посмотреть, занимаются там учебой люди или бьют балду?

Об итоговых политзанятиях Саблин вообще вещает как сторонний наблюдатель, а не руководитель данного процесса: взял ведомости, полистал, расстроился. Матросы, мол, тупые, а оценки у них хорошие, вот беда-то какая! Да чтобы матросы были не тупые, их надо учить, а при такой учебе, какая была на «Сторожевом», и умный последние мозги проспит. Подводя итог, можно сказать, что политическим воспитанием на вверенном ему корабле Саблин абсолютно не занимался. Единственно, что делал – это вешал лапшу проверяющим. Да и то! Его детские обманки опытные проверяющие обнаруживали очень легко. Поэтому Саблин часто попадался и его наказывали. На это он тоже горько жалуется следователю.

А вот еще «непреодолимая проблема» – безалаберный лейтенант теряет журнал учета. Но ведь рядом с ним есть мудрый Саблин, который, кстати, был обязан еженедельно этот самый журнал проверять. Но пропажу (причем дважды!) почему-то обнаруживает не мудрый замполит, а посторонние проверяющие офицеры. А где же был в это время сам мудрый замполит, а хрен его знает!

О трудностях Саблина с политинформацией вообще читать смешно, ведь это азы работы офицера-воспитателя. Для тех, кто далек от флота, поясню, что время политинформации (у нас на Балтике она проводилась по средам) определено в суточном плане и личный состав собирался на нее по команде дежурного по кораблю. После этого замполиту следовало лишь прийти в помещение, где собрались люди, посмотреть, все ли свободные от вахты на месте, проверить наличие политической карты мира и указки, а затем или выступить самому, или предоставить слово офицеру, который к этой политинформации готовился. Не открою Америки, если скажу, что если политинформации читались интересно, то матросы сами всегда старались на них попасть. Кому же не хочется узнать, что творится в мире, если об этом рассказывают со знанием дела, да еще и с юмором. Но на «Сторожевом», увы, все было совершенно иначе.

Впрочем, задумаемся, а зачем вообще нужно было Саблину заниматься плановыми политзанятиями, на которых учили верности присяге и Родине, ведь планы у него были совершенно иными? Да и на корабль, по его собственному признанию, Саблин пришел вовсе не для того, чтобы поднимать уровень боевой и политической подготовки, а для того, чтобы готовить людей к измене Родины и свержению законной власти. Зачем же ему надо было их учить обратному?

Подводя итог состоянию политического воспитания на «Сторожевом», можно смело утверждать, что Саблин ею не занимался вполне осознанно, стремясь, наоборот, вызвать у подчиненных негативное отношение как к самой системе политучебы, так и к темам, которые в ходе нее изучались. Так он исподволь начинал работу по идеологическому разложению экипажа корабля. Но следствие обмануть ему не удалось.

Большую опасность для планов Саблина представляли партийная и комсомольская организации корабля. В случае их сплоченности и боевитости мятежный замполит был бы обречен на поражение. Вспомним здесь недовольство замполита по итогам выборов нового секретаря парторганизации и его заместителя, которым Саблин не доверял. Поэтому с партячейкой и комитетом комсомола Саблин расправлялся по отдельному плану. И вновь предоставим слово ему самому.

Относительно комсомола Саблин сообщает: «Много недостатков имелось у меня в работе партийной и комсомольской организаций. В комсомольской работе я, как только пришел на корабль, столкнулся с откровенным формализмом и трудностями: секретарь комитета комсомола Бабаченко отличался ленью и недисциплинированностью, комсомольская работа была запущена, документы не оформлялись за многие месяцы. Когда я сказал об этом заместителю командира дивизии по политической части капитану 2-го ранга Попову (на самом деле Попов был заместителем командира 128-й бригады по политчасти. – В.Ш.), тот собрал всех секретарей комсомольских организаций в кают-компании корабля и заставил их оформить планы задним числом. Я не воспротивился этому, посчитав, что мне неудобно начинать работу с возмущения имевшимися порядками. Впоследствии я сталкивался с подобными фактами в комсомольских организациях боевых частей. Политотдел интересовался в комсомольской работе формальной стороной – есть ли план работы, как он оформлен и написаны ли протоколы комсомольских собраний. При этом проверяющие из политотдела интересовались не сутью изложенных в протоколах выступлений, а наличием в планах определенных мероприятий...»

Как раз второе взыскание я получил, когда проверяющий установил плохое состояние документации в комсомольской организации БЧ-2 и других организациях. Я не снимаю с себя ответственности за неудовлетворительное состояние комсомола и могу объяснить это только своей большой занятостью, тем, что больше, чем нужно было, доверял комсомольским секретарям, пытаясь приучить их к самостоятельности. Многие комсомольские собрания отличались малой активностью, чувствовалось, что секретари плохо готовились. Я указывал на это секретарям комсомольских организаций, а спустя некоторое время замечал то же самое. Я пытался расшевелить комсомольскую активность, но часто наталкивался на равнодушие и безразличие офицеров и комсомольского актива. Иногда я чувствовал, что стучусь, как говорится, в закрытую дверь. Из политотдела ни разу никто не приходил на корабль, не изъявил желания побеседовать с комсомольцами, расспросить у них о службе и быте».

Прервем итог этим откровениям Саблина и попробуем проанализировать, о чем же он нам сейчас поведал. А поведал он о том, что за время своего пребывания на корабле он ни много ни мало, а фактически уничтожил комсомольскую организацию. Читаешь саблинскую исповедь и поражаешься, что он и в этом случае опять вроде как сторонний наблюдатель. Увидел, что у него не оформлены отчетные бумаги, вместо того, чтобы решить эту простую проблему – провести занятие с комсомольским активом и научить их работать с документами, Саблин бежит к заместителю командира бригады. И тот (а то у замкомбрига нет своих дел!) спешит на «Сторожевой», собирает актив и лично учит их, как надо работать с документами. При этом Саблин не только ему не помогает, а еще и возмущается, горя желанием устроить скандал. Зная планы Саблина относительно уничтожения корабельного комсомола, совершенно понятно, почему он так воспротивился работе капитана 2-го ранга Попова со своим комсомольским активом.

Сетования на то, что офицеры политического отдела проверяют бумаги комсомольцев и указывают им на ошибки, также бесит Саблина. Но при чем здесь формализм? Да кто тебе мешает работать с матросами-комсомольцами, кто мешает увлечь их интересными делами? Но ничего этого Саблину не надо. Вспомним, как ярко будет он выступать перед офицерами, мичманами и матросами в начале мятежа! Значит, все же умел общаться с людьми, когда это было надо ему лично! Почему же так не работал раньше? Да потому, что это было ему не надо!

Смешно читать, что с корабельной молодежью Саблин не работал, так как был слишком занят и желал приучить своих секретарей самостоятельности – это классическая «отмазка» всех начальственных бездельников.

Откровенно врет Саблин и о том, что ему в работе с комсомолом никто не помогал. Уж если сам заместитель командира бригады лично учит его матросов заполнять дневнички комсгруппорга, куда уж дальше! Ну а саблинские сетования: ... я не воспротивился... я сталкивался... я пытался... я чувствовал, что стучусь в закрытую дверь... Детский сад, а не капитан 3-го ранга! Да не надо куда стучаться и пытаться что-то чувствовать, надо просто мужски открыть эту самую дверь и навести за ней настоящий флотский порядок, вот и вся наука!

Ну а как обстоят дела с партийной организацией «Сторожевого», до какого состояния успел развалить Саблин ее? Бывший замполит «Сторожевого» рассказывает: «Партийная работа была поставлена на БПК несколько лучше комсомольской. Регулярно проводились собрания. Хотя активность была слабой. Немалая заслуга в этом секретаря партийной организации Фирсова. На собраниях мы обсуждали вопросы организации комсомольской работы. Казалось, делали все, что нужно, но почему-то комсомольская работа не стала лучше, понять не могу! Социалистическое соревнование на БПК было пронизано формализмом, граничащим с очковтирательством... Это в свою очередь вызывало скептицизм, недовольство и личного состава и негативное отношение к самой идее социалистического соревнования».

Социалистическое соревнование на «Сторожевом» Саблин почти уничтожил, а вот с коммунистами, несколько забежав вперед, скажем, что у него сорвалось. Там оказались энергичные лидеры, вначале старший лейтенант Фирсов, тот, кто, рискуя жизнью, фактически лишил Саблина шансов на успех мятежа. Затем откровенно несимпатичные Саблину Виноградов и Иванов. Эти молодые коммунисты оказались Саблину не по зубам, что он, собственно, и признает на допросе. При этом заметим, что именно партийная организация пытается воздействовать на замполита, чтобы тот занялся возрождением загубленного корабельного комсомола. А что Саблин? А в ответ снова одни стенания: делаю все, что надо, и понять не могу, почему все плохо! Закономерен вопрос: а то ли делал выпускник ВПА, да и делал ли на самом деле вообще хоть что-то?

А затем Саблин делает чистосердечное признание, да еще какое: «...Я считаю, что недостатки в индивидуально-воспитательной и партийно-политической работе, перечисленные мною, в значительной мере повлияли на то, что матросы, старшины, мичманы и офицеры “Сторожевого” сделали необдуманный, неверный шаг, согласившись с моим предложением по захвату власти на корабле с целью его использования как трибуны для политических выступлений».

Этим заявлением Саблин фактически признает, что сознательно и целенаправленно дискредитировал всю систему воспитательной работы, специально доведя ее на корабле до полного абсурда, с целью привлечения на свою сторону всех разочаровавшихся в существующей системе. Так всегда действовали и действуют высококвалифицированные агенты влияния, обрабатывающие свои гранты. Так действовал и Саблин. И хотя масштаб его деятельности был весьма небольшой – всего один корабль, но работал он как настоящий профессионал.

А как оценивает Саблин состояние дисциплины на вверенном ему корабле?

Следователь Добровольский спрашивает:

– Были ли недостатки в воинской дисциплине на «Сторожевом»?

На это Саблин начинает говорить следующее: «Состояние воинской дисциплины на “Сторожевом” отличалось в лучшую сторону от воинской дисциплины на других кораблях. Вместе с тем был и ряд недостатков».

А дальше Саблин в деталях рассказывает, что в действительности творилось под его началом на «Сторожевом», а творилось немало: драки между матросами, избиения молодых матросов, групповые пьянки офицеров и мичманов, причем не просто пьянки, а с дебошами в ресторанах, битьем зеркал и последующими водворениями на гарнизонную гауптвахту. Пьяницами и дебоширами Саблин называет сразу 3 офицеров и 6 мичманов. Пока одни пьянствовали, другие хамски вели себя с матросами. Эту группу офицеров и мичманов возглавлял лично командир корабля капитан 2-го ранга Потульный. Ну а воровство было на «Сторожевом» самым обыденным делом – матросы воровали друг у друга тельники, ремни и носки. Из кают офицеров и мичманов то и дело пропадали деньги (в том числе общественные) и вещи.

По ночам на корабле хозяйничали целые разбойничьи шайки, которые периодически вскрывали корабельный ларек и сухую провизионку. Иногда грабителей ловили, но чаще нет. Дошло до того, что во время похода на Кубу из каюты командира отряда кораблей капитана 2-го ранга Рассукованного был украден его личный фотоаппарат. Произведенные поиски ничего не дали. Что и говорить, хорошо воспитывал своих подчиненных капитан 3-го ранга Саблин.

Уже сидя под арестом, Саблин написал 6 января 1976 года десять страниц убористого текста о недостатках в военно-морском флоте, озаглавленном «Заявление о недостатках на флоте». Читая это сочинение, у меня создалось твердое убеждение, что автор постарался написать все, что только вспомнил, перескакивая с пятого на десятое без всякой связи

и логики, в очередной раз пытаюсь создать образ бескомпромиссного и принципиального борца за правду. О чем же писал Саблин в своем опусе о выявленных им безобразиях в родном ВМФ?

Вначале он посыпает голову пеплом: «Низкое качество боевой подготовки и воспитания личного состава и стали причиной, которая толкнула многих матросов, старшин и офицеров БПК “Сторожевой” на необдуманный, неверный шаг – согласиться с моими предложениями». Эко ведь завернул! Сам же боевую подготовку и воспитательную работу на корабле завалил и этим же сам, как оказывается, толкнул личный состав в объятия своего же мятежа, а потом этим же еще и попрекает всех остальных! Вот это логика! Впрочем, в одном здесь Саблин прав. Если бы он действительно занимался и боевой подготовкой, и воспитательной работой, так, как это надо делать настоящему замполиту, то для мятежа у него бы просто не осталось времени.

Далее Саблин много и пространно пишет о заслугах своей семьи перед флотом, о своем прадедушке, погибшем на крейсере «Паллада», о служивших на флоте дедушке и отце. Этот солидный абзац завершается пафосной фразой: «И я не жалею, что отдал флоту лучшие годы жизни». Как знать, не приди Саблин на флот, возможно, лучше было бы и Саблину, и флоту.

Так как к январю 1976 года самомнения о своей исторической исключительности, да и революционного пыла у Саблина серьезно поубавилось, то следующий абзац своей обличительной записки он начинает так: «Если наше дурацкое (грубо говоря, но конкретно) выступление привлечет внимание к положению на флоте, а мое заявление поможет хоть в чем-то разобраться в обстановке, то подтвердится известная поговорка: “Нет худа без добра”».

Вот это поворот! Теперь, оказывается, и весь мятеж-то был затеян вовсе не ради великих преобразований в стране, а всего-то для того, чтобы привлечь внимание командования флота к плохой организации Б и ПП на отдельно взятом корабле! И именно для этого слал свои ультимативные радиogramмы в адрес Политбюро ЦК КПСС корабельный замполит!

Далее Саблин пишет еще лучше: «Регламент флотской жизни рушили научно-обоснованные планы из-за постоянных вводных высшего командования. С другой стороны, постоянное устранение замечаний то одного, то другого штаба. Некоторые командиры (в частности Потульный) считают, что надо работать на износ. Сход с корабля после 22 часов, вызовы из дома, совещания работы и т. д. Личный состав месяцами не имеет нормального выходного дня, смотры, приборки и т. д. Формализм в ведении документации... На “Сторожевой” прислали плохих офицеров, пьяниц. Мой предшественник капитан-лейтенант Подрайкин был склонен к пьянству, а бывший командир БЧ-5 капитан-лейтенант Гриб – пьяница, и имел партийное взыскание. Имели по два взыскания и бывшие офицеры БЧ-3 Стриженок и Куропятник».

Далее Саблин долго рассуждает о «годковщине» и даже вроде как порицает ее. Но об истинном отношении Саблина к этой проблеме у нас отдельный разговор впереди.

Однако из написанного Саблиным опять непонятно, почему же он лично не ставил принципиально вопрос о регламентированном рабочем дне для офицеров и мичманов своего корабля, почему не поставил на место «бездушного» командира? Рычагов для этого у заместителя командира корабля по политической части было более чем достаточно. Более того, решить данный вопрос было его прямой обязанностью! Но потому-то наш «герой» решать его даже не пытался. Почему?

Плохо относится замполит «Сторожевого» и ко всяким отчетным документам. Не по душе ему было корпеть в каюте над бумажками, его призвание – глаголом жечь сердца людей! «Отчеты отдают формальностью», – пишет Саблин. Да кто тебе, родимому, мешал писать неформальные отчеты? Если ты на самом деле работал как вол и свою фактическую работу подтверждал документально, то честь тебе и хвала. А если ты ни черта не делал, а писал липовые бумажки, то это действительно плохо. За всю свою службу я не встречал ни

одного начальника, который бы приказывал своим подчиненным ничего не делать фактически, а заниматься лишь составлением бумажек. Если отчеты Саблина «отдают формальностью», то в этом виноват только Саблин, а никто другой. Работать надо было лучше, гражданин замполит!

Как «профессиональный революционер» Саблин, разумеется, снова в своем опусе недоволен и политическими занятиями: «Политические занятия не вызывают у матросов политической активности и на них идут, чтобы отбыть номер. Я об этом писал еще в 1961 году в Политуправление ВМФ адмиралу Гришанову, но ответа так и не получил за 14 лет». Опять двадцать пять! Если на занятия к Саблину матросы идут, чтобы «отбывать номер», и он не в состоянии их заинтересовать происходящими в мире и в стране событиями, то грош ему цена как профессиональному политработнику. Если так проводят занятия подчиненные ему офицеры, значит, он не обучает и не контролирует их. И зачем писать слезницы в Москву, когда лучше просто качественно готовиться к собственным политзанятиям и проводить их не формально, а интересно и с душой. Матросы – не бездушные машины, они всегда с интересом будут слушать увлекательного и интересного рассказчика. Впрочем, надо понимать, настоящие плановые занятия Саблина не интересовали, именно поэтому он сетует на отсутствие у матросов некой «политической активности», которая бы могла привести к настоящему матросскому мятежу, аналогичному «потемкинскому», где кровь бы лилась рекой, а офицерам мозжили головы ружейными прикладами. Увы, к печали Саблина, на «Сторожевом» ничего подобного не получилось, очень уж слабой оказалась у матросов эта самая «политическая активность».

Не нравится Саблину и организация соцсоревнования: «Нелепые социалистические соревнования на каждый выход в море ведут к формализму и очковитрательству». Ну а кто тебе мешает организовать соревнование так, чтобы дух здорового соперничества присутствовал на самом деле и экипаж стремился занять первое место по всем показателям. Кто все это должен был и организовать, и вдохновить, и, наконец, возглавить? Конечно же, заместитель командира БПК «Сторожевой» по политической части капитан 3-го ранга Саблин. Но ведь сам Саблин откровенно признает, что ничего подобного на «Сторожевом» не было и в помине!

Да что там отчетные документы, соцсоревнование и политзанятия! Если верить Саблину, то на «Сторожевом» настоящей службой занимался только он один. До него там все было из рук вон плохо: «До меня на корабле было все запущено. Замполит корабля пил, секретарь комитета комсомола был ленив. При мне же стало все иначе». Тут, как говорится, ни отнять, ни прибавить! Согласимся, что выбор между просто пьющим замполитом и непьющим, но с оружием в руках захватывающим боевой корабль, действительно непрост!

На допросе 8 января 1976 года, говоря о недостатках, которые мешали ему жить и служить в ВМФ, Саблин порет откровенную галиматью, уже в который раз описывая все, что только вспоминает: «Реальная флотская жизнь рушит научно-обоснованные планы из-за постоянных вводных высшего командования. С другой стороны – постоянное устранение замечаний то одного, то другого штаба. Некоторые командиры (Потульный) считают, что надо работать на износ, сход дают после 22 часов, вызовы из дома и т. д. Совещания, работы, построения... Личный состав месяцами не имеет нормального выходного дня. Смотры, приборки и т. д. Формализм в ведении документации, просто ставят “вып”. На “Сторожевой” присылали плохих офицеров, пьяниц... Мой предшественник капитан-лейтенант Подрайкин склонен к пьянству, командир БЧ-5 капитан-лейтенант Гриб пьяница, имеет партийное взыскание...» Далее Саблин долго поносит офицеров БЧ-3 Стриженко и Куропятника. Вот прибыл на «Сторожевой» Первый секретарь ЛКСМ Литвы. Если верить Саблину, то он ходил по кораблю и, дыша перегаром, спрашивал матросов: «Ну как служба?» Выпил в кают-

компании бутылку коньяка, а с экипажем общаться не пожелал и уехал. Далее: «Секретарь ВЛКСМ на БПК “Бодрый” отличается умением прикрывать пустоту в своей работе».

Возражая Саблину, скажу, что вся флотская действительность, увы, далека от «научных планов». Военно-морское дело таково, что именно умение командира оперативно и профессионально реагировать на вводные и определяет конечный успех в бою. Странно, что это так и не смог понять офицер, полтора десятилетия носивший погоны. Да, штабы порой раздражают своей излишней опекой, но они же и учат, как надо работать. Для этого штабы и существуют! Своего командира Саблин обвиняет, что тот работал «на износ» и того же требовал с подчиненных. Странное обвинение! Потульный учился воевать сам и учил этому свой экипаж, ведь для этого, собственного говоря, он и был назначен командиром. Ну а то, что офицеры и мичманы «Сторожевого» не имели выходных и поздно сходили на берег, то это вина, как мы уже говорили выше, прежде всего заместителя командира по политической части. У замполита корабля вполне достаточно власти и рычагов воздействия, чтобы тактично указать командиру на его недоработки в воспитании подчиненных, подсказать, подправить. Если же Саблину не хватало для этого собственного авторитета, он вполне мог обратиться к заместителю командира бригады по политчасти и в политотдел дивизии. Все они находились от Саблина не за тридевять земель, а в двух шагах. Почему же он этого не сделал и не упорядочил рабочий день на вверенном ему корабле? Объяснение только одно – он и этот раздражитель старался использовать в свою пользу, чтобы склонить обиженный офицерско-мичманский состав на свою сторону. Если все будут всем довольны, то кто пойдет за ним? Жалуется Саблин на плохих офицеров, и зря! На «Сторожевой» направляли служить не самых плохих, а самых обычных. Среди них были всякие, кто лучше, кто хуже. Но ты же замполит, а потому не скули, а работай с тем личным составом, который у тебя есть. Ведь именно с ним, если что, тебе и придется идти в бой. Ну а к чему Саблин описывает, как принимал на корабле литовского представителя. Ну выпил тот с офицерами коньяка, ну прошелся по кораблю и уехал дальше по своим делам. В чем тут криминал? Совсем уж паскудно звучит саблинский донос на комсомольского секретаря соседнего корабля. Тебе-то какое дело, как работают люди на «Бодром»? Ты лучше у себя наведи порядок и на деле докажи, что у тебя лучший корабль!

Впрочем, Саблин все же понимает, что одной критикой недостатков себя не обелить. Поэтому следующий пассаж его «исповеди» таков: «Может сложиться неправильное впечатление, что я был как бы сторонним наблюдателем всех указанных безобразий... Это будет неверным впечатлением. В политическом отделе смотрели на мои усилия, как на потуги Дон Кихота при атаке мельницы. Почему я не поднял эти вопросы на партийных конференциях? Я предложил, что это будет очередная “атака мельницы”, но с печальными последствиями для меня. Обращаться по данному вопросу к адмиралу Гришанову – начальнику Политического управления ВМФ – я не хотел, т. к. не получил от него ответ на первое письмо в течение 15 лет, а кроме того, я не питаю к нему уважение, видя, как он, не стесняясь своей должности, обеспечивает карьеру своему сыну на флоте».

Тут все, как и обычно у Саблина, в одной тарелке и мухи, и котлеты! Замечу, что относительно презрительно смотрящих на его одинокую борьбу с недостатками работников политотдела, Саблин, как всегда, все ставит с ног на голову. По многочисленным воспоминаниям офицеров 12-й дивизии, причем как строевых, так и политработников, отношение к Саблину было самое доброжелательное. Никто его не «гнобил». Однако все дело было в том, что инициативы не было от самого Саблина. О причинах отсутствия инициативы мы можем опять только догадываться. И почему бы тебе, если ты такой правдолюб, честно по партийному не выступить на партийном собрании или на партактиве? Если ты прав и говоришь не лозунгами, а по существу, предлагаешь конкретные вещи и сам готов работать «как вол», кто же тебя осудит? Ну и, конечно же, наш «герой» снова щедро изливает желчь в адрес своего

«ненавистного покровителя» адмирала Гришанова и нескрываемая зависть к его сыну. Вот, собственно говоря, и вся саблинская критика...

* * *

Уже после ареста на допросах неожиданно выяснилось, что Саблин совершенно не знает своего личного состава. Матросы для него всего лишь серая безликая масса. Он не знает никого из них ни по имени, ни по отчеству, даже тех, к кому он особо благоволил и пытался привлечь на свою сторону. Для офицера-воспитателя это стыдно. Это еще один факт, характеризующий Саблина как профессионала!

Экипаж БПК (впоследствии сторожевого корабля) проекта 1135 не слишком большой, всего по штату 191 человек. На борту в момент перехода корабля из Балтийска в Ригу находилось 194 человека. Из них 15 офицеров и 14 мичманов, остальные матросы, то есть военнослужащих срочной службы на «Сторожевом» было всего 165 человек. И ни одного из них заместитель командира по политической части не знает по имени! Ну ладно, молодые матросы, которых Саблин, может быть, еще не успел запомнить, но ведь со старослужащими он находился ежедневно бок о бок на протяжении двух лет.

Чтобы не показаться голословным, прошу ознакомиться с показаниями Саблина, данными им на допросах 5 и 6 января 1976 года. Итак, в отношении матросов срочной службы, активно ему помогавших во время мятежа. Саблин сообщает:

«Матрос Буров (имени и отчества не помню) проходил службу на корабле “Сторожевой” в должности радиометриста-наблюдателя с июня 1974 года...»

«Матрос Аверин (имени и отчества не помню). Служит на корабле “Сторожевой” с ноября 1973 года в должности минера...»

«Матрос Сахневич (имени и отчества не помню) служит на “Сторожевом” электриком БЧ-5 с мая 1973 года и в декабре 1975 года должен демобилизоваться... Во время захвата власти на ВПК “Сторожевой” 8–9 ноября 1975 года Сахневич проявил себя довольно активно».

Так почему же Саблин не знал имен своих матросов? В том, что у него была плохая память, есть большие сомнения, ведь цитаты классиков замполит «Сторожевого» выучивал до запятой. Все дело в том, что человеческая память сохраняет лишь то, что считает нужным и полезным. Память Саблина тоже была избирательна и сохраняла как нужное и полезное для своего хозяина именно цитаты Энгельса и Маркса, а не имена подчиненных матросов. Если принять во внимание, что Саблин считал себя не замполитом и не офицером-воспитателем, а революционером, то все сразу становится на свои места. Зачем великому революционеру знать имена представителей плебса, толпа она и есть толпа – всего лишь хворост в печке грядущей революции. Этой толпе не положено иметь имен, она по определению должна быть безлика, ибо судьба каждого индивида ничто по сравнению с великой революционной целью.

О реальном авторитете Саблина как профессионала рассказали во время следствия члены экипажа «Сторожевого». Так, на допросе 2 декабря 1975 года, к примеру, откровенничал почитатель Саблина мичман Бородай: «Ни командир, ни замполит авторитетом у матросов срочной службы не пользовались. Командир капитан 2-го ранга Потульный – прежде всего за высокомерие... Саблин стоял как бы в стороне от всех событий, в том числе политико-массовой работы. Считалось, что на корабле нет замполита, а есть два старших помощника командира корабля...»

Еще более определенный отзыв мичмана Хомякова: «Командира корабля Потульного и замполита Саблина матросы, по-моему, не любили. Я несколько раз был свидетелем, когда матросы высказывали недовольство в отношении указанных лиц за то, что Потульный и Саблин не могут правильно организовать службу на корабле, не интересуются их личной жиз-

нию, занимаются укрывательством различных поступков с той целью, чтобы сделать БПК «Сторожевой» отличным».

Данные факты говорят о том, часто Саблин был никудышным замполитом и совершенно не занимался своим прямым делом – воспитательной работой. Я имею здесь в виду не подпольную агитацию против советской власти, а настоящую конкретную воспитательную работу с людьми.

Уж не знаю, как сейчас, но в мою бытность службы на кораблях у каждого замполита была особая рабочая тетрадь со всеми анкетными данными на всех членов экипажа. Она помогала держать в памяти данные по офицерам, мичманам и матросам корабля: как зовут, где родился, где жил, где и как учился, чем увлекался, что любит читать. Это всегда очень помогало в работе с людьми.

Что касается профессиональной работы Саблина, то совершенно очевидно, что заместитель по политчасти «Сторожевого» своим кораблем абсолютно не занимался, как истинный революционер полагая, что чем хуже обстоит дело в преддверии революционных событий, тем лучше для грядущей революции.

Да, после похода на Кубу, при помощи своих связей, Саблин получил престижный орден, но затем начались будни обычной кропотливой работы офицера-воспитателя, к которой Саблин оказался совершенно не готов. Тогда-то и посыпались на него взыскания за провалы в работе с личным составом. Вопиющая некомпетентность Саблина, несмотря на все его связи, демагогичность и авторитет выпускника политической академии становились все явственней. Думаю, что не случись событий 9 ноября 1975 года, то, несмотря на могущественную поддержку в Москве, его бы вскоре убрали со «Сторожевого» за профнепригодность.

Глава вторая

Политическая и революционная программа Саблина

Удивительно, но все певцы саблинского «подвига» неизменно обходят стороной самый главный вопрос всей истории с их кумиром: а что же, собственно говоря, хотел сделать с нашей страной Саблин?

Читая в бесчисленных статьях панегирики замполиту «Сторожевого», вы можете уяснить лишь то, что Саблин бросил вызов тоталитарной советской системе, призвал к обновлению всех сторон жизни и демократизации общества. В годы «перестройки», разумеется, сразу заговорили, что Саблин хотел ускорить появление «социализма с человеческим лицом». При этом никаких конкретных высказываний Саблина на этот счет, как это не покажется странным, никто не приводит. А потому я с полной ответственностью утверждаю, что все это полная чушь, ибо на самом деле Саблин желал совершенно иного.

Что вообще известно нам о политических взглядах Саблина и о том, ради чего, собственно говоря, он затеял всю бучу?

Полистаем еще раз автобиографию нашего героя. Но там, кроме постоянного возмущения всем, что его окружало, о своих политических взглядах Саблин ничего нам не говорит.

Так, описывая свою службу на Северном флоте, он формулирует свое тогдашнее политическое кредо: «Я от культурной революции, от мысли о чистке партии перебрался к мысли изменения государственного аппарата... Я понял, как далеко мы ушли от принципов Парижской коммуны, к которым призывал Ленин. Собирал только интересные факты, обличающие нашу действительность, и читал классиков марксизма-ленинизма». Мысли об изменении госаппарата, сбор интересных материалов и чтение классиков – это все хорошо, но что хотел-то делать конкретно?

Говоря о времени своего обучения в академии, Саблин пишет: «У меня сначала была мысль заняться научной деятельностью, написать научный труд критического содержания и выступить с ним в печати». Но чему конкретно должен был быть посвящен этот «научный труд критического содержания»? Опять молчание...

Еще одна цитата из автобиографии Саблина: «Напряженно и долго думая о дальнейших действиях, принял решение кончать с теорией и становиться практиком». Но с какой именно теорией решил кончать наш герой? Опять одни слова и никакого смысла!

Последняя фраза из автобиографии, имеющая какое-то отношение к теоретическим изысканиям Саблина, относится к моменту начала его службы на «Сторожевом». Звучит она так: «Я в этот момент не мог ничем заниматься, никакой политикой». Это опять разговор ни о чем. Саблин упорно не говорит, какой именно «политикой» ему мешают заниматься на корабле.

Забегая вперед, скажем, что ничего конкретного не рассказал о своих политических взглядах Саблин и в своих выступлениях перед офицерами, мичманами и матросами в начале мятежа. Все его выступления опять свелись к формуле, что все в стране плохо, потому пришла пора восстановить справедливость и сказать правду о плохом положении дел. Политическая платформа Саблиным снова не была озвучена.

В процессе работы над уголовным делом Саблина, листая его рабочие тетради, испещренные всевозможными цитатами на все случаи жизни от Ленина до Ницше, я также не смог определить истинное политическое кредо замполита «Сторожевого». Ничего конкретного.

Чуть больше этого мы можем понять из двух документов, написанных Саблиным в период подготовки мятежа, но так и не дошедших до тех, кому эти документы предназначались.

Это прежде всего так называемое «Революционное воззвание», которое должно было прозвучать в открытом эфире в случае непринятия руководителями СССР саблинского ультиматума, начинавшееся словами «Всем! Всем! Всем!..» В нем свою политическую позицию организатор мятежа характеризует так: «... Назрела крайняя необходимость открыто поставить ряд вопросов о политическом, социальном и экономическом развитии нашей страны, о будущем нашего народа, требующих коллективного, именно всенародного обсуждения без давления со стороны государственных и партийных органов. Мы решились на данное выступление с ясным пониманием ответственности за судьбу Родины, с чувством горячего желания добиться настоящих, открытых отношений в нашем обществе». Итак, Саблин объявляет, что намерен ставить на всенародное обсуждение некие вопросы политического, экономического и социального характера, а также требует открытых отношений в обществе. Но в чем суть предлагаемых им на обсуждение вопросов и что такое «открытые отношения в обществе»? Снова молчок!

Несколько больше можно узнать из первоначального варианта ультиматума Главнокомандующему ВМФ и Брежневу, который так и не был передан, а остался лишь на бумаге. В нем имеется фраза: «На БПК “Сторожевой” поднят флаг грядущей коммунистической революции». Отметим, что этот документ следователи нашли только после ареста Саблина.

Все! Больше никому ничего о реальной политической платформе замполита БПК «Сторожевой» неизвестно. Самое интересное, что никто из апологетов нашего «героя» особенно на этот счет и не переживал. Все рассуждения почитателей Саблина сводились и сводятся к тому, что их кумир являлся классическим «романтиком-Дон Кихотом», желавшим возвестить стране и миру о том, что в СССР нет справедливости, за что и был уничтожен беспощадной тоталитарной машиной. Такое наивное представление о Саблине в корне неверно. Он никогда не был Дон Кихотом, под образ которого так старательно маскировался. Никогда не был Саблин и романтиком. Наоборот, он был весьма жестким прагматиком, который имел перед собой вполне конкретную цель – захват власти в стране. И к этой своей заветной цели он упорно стремился, используя все доступные ему силы и средства.

Почему я так говорю? Да потому, что имею на руках документ, который наконец-то проясняет реальный политический облик Саблина, его теоретическую платформу и практические замыслы. Работая над материалами уголовного дела Саблина, мне удалось прослушать магнитофонную запись его программной политической речи, которая должна была прозвучать по телевидению в Ленинграде, а потом и изучить эту речь по приложенной к магнитофонной ленте стенограмме. Данный документ – это и есть теоретическая квинтэссенция всех событий, связанных с мятежом БПК «Сторожевой». Политическая программа Саблина еще никогда полностью не публиковалась в открытой печати. А потому у нас есть уникальная возможность не только разобраться в истинных политических взглядах Саблина, в его реальной теоретической подготовленности, но и понять, что стало бы со всеми нами, воплоти Саблин в жизнь (представим на миг эту невероятную ситуацию!) свои «революционные» идеи.

Я заранее извиняюсь перед читателями, что принял решение изложить программную речь Саблина полностью и без всяких купюр, что займет достаточно много места, снабдив ее своими комментариями. Однако, не уяснив истинных идей Саблина, мы не сможем дать реальную оценку тому, что он совершил и что замышлял совершить в дальнейшем.

Из приложения к осмотру каюты № 25 12–16 ноября 1975 года. Стенограмма звуковой записи, находившейся на магнитной ленте, изъятой в каюте № 25 БПК «Сторожевой»: «Здравствуйте, товарищи! Я обращаюсь ко всем, кто революционное прошлое нашей страны чувствует сердцем, кто критически, а не скептически оценивает настоящее и кто честно мыслит о будущем нашего народа, Прежде всего большое спасибо вам за поддержку, иначе бы я сегодня не беседовал с вами. Наше выступление не есть предательство Родины, а чисто

политическое, программное выступление, и предатели Родины будут те, кто пытается нам помешать.

Мои товарищи просили передать, что в случае военных действий против нашей страны мы будем достойно ее защищать, но сейчас наша цель другая – подать голос правды. Мы твердо убеждены, что необходимость изложить мои взгляды на внутреннее положение в нашей стране, причем чисто критического плана по отношению к политике ЦК КПСС и Советского правительства, имеется у многих честных людей в СССР, которые ясно осознают, чувствуют и наблюдают, что многие вопросы общественной, политической, экономической и культурной жизни в нашей стране решаются далеко не на основе революционных принципов марксизма-ленинизма, хотя и под лозунгами марксизма-ленинизма.

Я позволю в связи с этим напомнить меткие высказывания Ленина в работе “Государство и революция”, что после смерти великих революционеров делаются попытки превратить их в безвредные иконы, т. е. канонизировать их, представить известную славу их имени для утешения угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. Это в полной мере касается учения Ленина.

Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно взглядеться в нашу действительность. Ленин мечтал о государстве справедливости и свободы, а не о государстве жестокого подчинения и политического бесправия. В частности, в одном из писем перед смертью он писал, что рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу, потому что в этих рабочих уже создались известные традиции, известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться. В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже этого слоя.

Ленин хотел видеть в ЦК партии орган, который мог бы с пролетарских позиций контролировать деятельность государственных органов. К сожалению, этого не произошло, и у нас ЦК и правительство – два сапога – пара, а вернее сапог в сапоге. Случилось то, о чем предупреждал Ленин, цитируя слова Маркса, что после каждой революции, означающей известный шаг вперед в классовой борьбе, чисто угнетательный характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто. И как указывал Энгельс, государство сохраняет свою отличительную черту, превращает должностных лиц в слуг общества, органы его в господство над ним. Я думаю, нет смысла доказывать, что в настоящее время слуги общества уже превратились в господ над обществом. (Разве при жизни Ленина было иначе? – В.Ш.) На этот счет каждый имеет не один пример из жизни. (Интересно, а было ли вообще время, чтобы руководители жили хуже своих подчиненных? – В.Ш.) Мы наблюдаем игру в формальный парламентаризм при выборах в советские органы и исполнения Советами своих обязанностей. Практически судьба всего народа находится в руках избранной элиты в лице Политбюро ЦК КПСС. (А в какие времена было по-другому? – В.Ш.) Всеобъемлющая концентрация власти политической, государственной стала стабильным и общепризнанным фактором. Особенно роковую роль в развитии революционного процесса в нашей стране сыграло уничтожение инакомыслящих в период культа личности Сталина, Хрущева. А сейчас, к сведению, тоже ежегодно арестовывается до 75 человек по политическим мотивам. (Интересно, откуда Саблин взял эту цифру? Наверное, «Голос Америки» по ночам слушал. – В.Ш.) Потеряна вера в существование справедливости в нашем обществе. Политика же некоторых советских ученых, представляющих появление культа личности в социалистическом обществе как следствие личных отрицательных качеств вождя, ненаучна.

Они противоречат учению марксизма-ленинизма о роли личности в истории. Эти же лжеученые (термин-то 1937 года. – В.Ш.) стыдливо помалкивают вслед за руководящим партийно-государственными органами о таинственном исчезновении с политической арены

таких политических деятелей, как Хрущев, Берия, Маленков, Каганович, Шелест и другие. Скучные газетные статьи и все – ни суда, ни следствия. (Саблин делает вид, что не знает о том, что на «политических олимпах» всегда идет острая борьба за власть, и политические группировки постоянно сменяют одна другую причем так происходит не только у нас в стране. Относительно «исчезновения» можно говорить лишь о Берии, но это особый случай. Остальных перечисленных им лиц просто отправили на пенсию. – В.Ш.)

Почему-то считается, что народ должен довольствоваться фактами и быть политически безвольной массой. А народу нужна политическая активность. Необходимо постоянно ощущение своей значимости и величия. (Народу нужна прежде всего политическая и экономическая стабильность, уверенность в завтрашнем дне, а не митинги и мятежи. – В.Ш.) Народ не может жить без политических свобод, так же как и без материальных средств к существованию. Об этом, видимо, забыли нынешние руководители КПСС. Народ этого не может забыть, так как это – необходимость. (Интересно, а когда в реальной жизни Саблин общался с реальным народом в городах и в деревнях? – В.Ш.)

Самая революционная в прошлом государственная власть поглотила в полувековой срок демократические завоевания революции и перемолола их бюрократическими жерновами, оставив только внешнюю оболочку. (Судя по всему, истинными революционерами демократами Саблин считает поборников мировой коммунистической революции 20-х годов Лейбу Троцкого и его единомышленников. – В.Ш.) Гордитесь воспоминаниями о прошлом, мечтайте и радуйтесь будущему, но не глядяйтесь в настоящее, не ищите в нем революционность. Вот основной призыв современных советских идеологов. (Саблин просто помешан на своей революционности, совершенно не понимая, что у людей могут быть и какие-то другие заботы. – В.Ш.)

Государство воспитывает у народных масс пассивность, веру во всеумность высших представителей государства и партийных органов и лично кого-нибудь. (Здесь явный намек на Л.И. Брежнева. – В.Ш.) Скажите, где в каком печатном органе или в передаче радио и телевидения допускается критика верхов? Это исключено. И мы должны честно признаться, что у нас нет политических и общественных организаций, которые бы позволили развернуть дискуссию по многим спорным вопросам общества, политическому, экономическому и культурному развитию нашей страны, т. к. находятся под давлением партийных и государственных органов. Самый передовой в социальном развитии строй в исторически короткий период времени – 50 лет преломился в такую социальную систему, в которой народ оказался в затхлой атмосфере беспрекословной веры в указания свыше, в атмосфере политической бессловесности, в которой процветает боязнь выступить против партии, т. к. это отразится на личной судьбе. А я должен напомнить слова Маркса о том, что нравственное государство предполагает у своих членов государственный образ мыслей, если даже они выступают в оппозицию против органов государства, против правительства. (С таким же успехом у Маркса можно найти цитату о подавлении в пролетарском государстве всякого инакомыслия силой. – В.Ш.) И Ленин предполагал, что любая группа граждан, достигшая определенного числа, и собравшая столько-то подписей, может издавать свой печатный орган, и писал об этом дважды. (Именно поэтому при Ленине были разогнаны союзные партии меньшевиков, левых эсеров и анархистов, а их лидеры уничтожены. – В.Ш.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.